

МАКСИМ
ЗЛОБИН

САША
ТОКСИК

СКУФ 5

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АГ НА ОТДЫХЕ

18+

Максим Злобин
Саша Токсик
Скуф. Маг на отдыхе 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73577658

SelfPub; 2026

Аннотация

Я самый сильный маг на планете.

Опора империи, страх врагам.

Побеждаю во всех войнах, а когда их нет – отдыхаю.

Так в какой момент моей жизни всё пошло не так?

Когда я согласился выполнить личную просьбу Императора?

Или когда ко мне в усадьбу прислали на практику целую толпу «альтушек»?

Кто такие «альтушки»? Как по мне, напасть, хуже любого монстра.

Магия, сиськи и энтузиазм при полном отсутствии мозгов.

А ещё их всё время кто-нибудь хочет убить...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	51
Глава 5	66
Глава 6	82
Глава 7	95
Глава 8	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Максим Злобин

Скуф. Маг на отдыхе 5

Глава 1

– Лёха, сзади!

– Чего?!

– Сзади!

– А?!

– Сзади, глухая ты... эххх! – я отодвинул Михеева за плечо и шарахнул одного из Сколопендр сгустком сырой энергии.

Не знаю, кем он был при жизни, но уж точно не щитовиком. Полетел со всем возможным ускорением, собирая ряды кресел. Ломая кости, кувырком промчался мясной звездой по партеру и затормозил черепом о пульт звуковика. Там свой жизненный путь и окончил.

Вывод очевиден: нечего было нападать со спины на двух благородных донов. Да и вообще... нечего было нападать.

Да простят нас жители Атырау, но буквально с первых же минут боя мы начали демонтаж их Дворца Достижений. Прямо вот буквально. И что-то мне подсказывает, что, в конце концов, от здания останется бетонная коробочка с кучей строительного мусора внутри. И то! Это лишь в том случае,

если мы не заденем несущие конструкции. А так ведь и совсем сложиться может. Остаётся надеяться, что здание не историческое и новое на его месте будет краше прежнего.

– Вперёд-вперёд! – заорал я. – На сцену!

Шумно вокруг – не то слово.

Визги магических техник, воинственные крики родни Тамерлана, трёхэтажный мат Сколопендр, взрывы, треск, грохот..., а иногда ещё и внезапные музыкальные вкрапления. Эдакое треньканье, с которым ломаются инструменты.

Такая вот симфония битвы.

Когда мы с Лёхой только-только забежали в зал, на сцене вместе с банши стоял какой-то огромный мужичара; так вот этот лось метнул в Аймурата рояль. Сильный, паскуда. Куда он делся теперь – понятия не имею...

Потому что с видимостью тоже проблемы.

Мало того, что из освещения в зале работали лишь софиты, направленные на сцену, так ещё кто-то из Сколопендр додумался врубить дым-машину. Как будто и без того не хватало проблем, так теперь ещё помещение довольно шустро заполнялось удушливым глицериновым паром.

Чтобы выключить шайтан-машину дистанционно – без пульта, само собой – мне пришлось снести сырой энергией часть помоста. Уж не знаю, сидел ли кто-то в тот момент в суфлёрской будке, но если сидел, то там теперь навечно и останется.

– Ух, блин! Лёха, осторожно!

Сверху раздался хруст бетона. Сперва на нас с Алексеем Михайловичем посыпались куски штукатурки и каменное крошево, а потом и вовсе кусок потолка полетел.

– Уэ-э-э! – в образовавшейся дыре появилась мохнатая задница Мишани.

Медведь зацепился за край обрыва передними лапами, а задними потешно болтал в воздухе. Однако довольно быстро нащупал «ногой» импровизированную перекладину из вывернутой наизнанку арматуры, упёрся, подтянулся и залез обратно.

Тут же над дырой проскочил тёмный силуэт Ромашкиной, кто-то коротко вскрикнул, и с потолка вниз полилась тонкая струйка чего-то. Должно быть крови.

Что там у них наверху происходит – вообще непонятно.

А если уж начистоту, то мне сейчас непонятно вообще ничего. Контролировать ситуацию в таких условиях попросту невозможно, однако я всё равно был спокоен. С кланом Батхуяг мы были знакомы чуть больше часа, но я уже понял, что ребята они серьёзные и со Сколопендрами в состоянии справиться сами. А группа «Альта» им в помощь; сомнений в девках нет вообще никаких.

И кстати. Судя по тому, что бой вокруг начал потихонечку утихать, то от сингапурцев уже мало что осталось.

Наша же с Лёхой цель – грёбаная банши.

До сих пор глава Сколопендр стояла на сцене и наобум визжала в зал. Со стороны это чем-то напоминало разбрасы-

вание импульсов сырой энергии, но... не берусь рассуждать о природе крика. Тем более что он магический. И тем более, что с подобной техникой я сталкиваюсь впервые.

Объясню: меня уже успело немножечко зацепить. По ноге. Вскользь, но всё равно.

Мне, блин, было больно!

Разрушительный звук почти полностью игнорировал щиты. Вибрации проходили сквозь магический барьер, как будто и нет его вовсе.

– Лёх, аккуратней! – попросил я друида. – Давай-ка я на сцену пойду, а ты из зала помогай!

– Морально?! – уточнил Чего. – Похлопать тебе?!

– Отрадно, что в критической ситуации вы не теряете чувства юмора, Алексей Михайлович!

– Да не такая уж она и критическая, Василий Иванович! И покритичнее случались. Быть может, вы уже снесёте этой паскуде голову, и мы поедем домой?!

– Быть может! – кивнул я, выскочил в левый проход и побежал в сторону сцены...

– Наши? – встрепелась связанная Шестакова.

– Наши-наши, – кивнула Ира. – Ксюш, ты бы отползла от двери подальше, чтобы случайно не пришибло. Дружественный огонь, он такой.

Действительно, появление кого-то еще после того, как Ирина сама отправила брату координаты, было бы слишком

странным совпадением.

– Ага...

И отползла. Шло время. Звуки битвы доносились из коридора вот уже несколько минут. Сперва далёкие и глухие, затем всё ближе и ближе, и вот...

– Дольче! – радостно вскрикнула Шестакова, когда в коридоре раздался рёв кузнечного горна и крики боли, а из-под двери начали бить язычки безвредного холодного пламени.

Огненная ульта догорела, крики стихли, и кто-то начал гроыхать дверьми.

– Здесь нет, – донёлся знакомый голос. – И тут тоже.

– Каа-а-а-а-а! Мы тут! Ту-у-у-ут!

– Бах! – без стука сквозь дверь прошло «Алое Спасение» и суетливо заметалось по комнате, как будто осматривая и ощупывая пленных девушек. И сразу же следом за артефактом в гримёрку залетели кадет Дольче, Её Сиятельство Ольга Фонвизина и...

– Тима!

– Ира!

Хакер сжимал в руках здоровенный разводной ключ. Перепрыгнув через шаманку, он в два прыжка оказался рядом со Скуфидонской, размахнулся и со всей дури шарахнул по наручникам. Раз! Два! И-и-и-и... Три!

Катя Чертанова решила, что никогда и никому не расскажет, что цепь артефактных наручников рассыпалась не от могучих ударов Тамерлана, а из-за того, что она нагрела их

до бесстыдных температур. Катя драму уважала. А в особенности сцены воссоединения любимых – это же счастливый финал! Именно то, ради чего всё и затевается! Так что испортить что-то подобное у неё попросту не поднимется рука.

– Извини, что не послушала тебя.

– Это ты меня извини.

– О-о-о-оу! – протянула Чертанова, сцепила кулачки и облокотилась на них подбородком. – Какая милота!

– Катя! – вдруг услышала она откуда снизу. – Слышь?! Освободи меня!

– Шшш, – шикнула Дольче на шаманку. – Успеется.

У Дольче аж слёзы на глаза навернулись. Безо всякого стеснения Тамерлан и Скуфидонская миловались после долгой разлуки. Объятия, поцелуи, признания в любви шёпотом на ушко. Подобные сцены можно частенько увидеть на вокзале дальнего следования, после того как у перрона остановился поезд с дембелями.

– Оо-о-о-о-оу!

– Катя, ёптвою! – шаманка извернулась и...

– Ай! – ...укусила Дольче за лодыжку. – Совсем сдурела?!

– Освободи меня немедленно!

– Ну ладно-ладно. Сейчас попробую...

– Стоять! – крикнула Скуфидонская. – Не трогайте её!

– И-ИИИ-ИИ-ИИ! – снова заорала банши, и снова я полетел со сцены во тьму зала.

Поломать меня физически почти невозможно, но признаюсь, что в голове от криков этой бледной твари уже изрядно помутилось. Плоть – она плоть и есть; она ведь меня и мой дар обслуживать должна.

А вот мозги от вибраций сотрясались так, что чувствовал я себя теперь не очень. То ли как с похмелья, то ли как после сеанса игры в очках виртуальной реальности... пробовал я как-то раз эту приبلуду и чуть на неё не вытошился.

Короче:

Мутит.

Кружит.

В голове суета.

Тело не то чтобы вот прямо болит, но уже начинает потихоньку возмущаться такому наплевательскому отношению к себе. Ну а ещё бы! Мной ведь уже трижды пробили стену! С минуты на минуту помощь Фонвизиной потребуется; всё-таки под присмотром лекаря её уровня и спокойней, и целее.

Почему банши до сих пор жива?

Хороший, мать его, вопрос!

«Снеси ей голову», – кажется, как-то так сказал Лёха. Ну да, ну да. Я бы с радостью, да только не получается.

Мало того, что способность этой твари игнорировала мои щиты, так ещё и сама тварь игнорировала мою способность! Стоило мне хорошенечко прицелиться и послать в банши разряд сырца, как она вдруг развоплощалась.

Повторюсь – не имею ни малейшего понятия, как это ра-

ботаает. Но предположу, что бледная мерзость уходила в какое-то другое измерение. Измерение, мир духов, нижний план, верхний план, астрал, атсрал... можно называть, как угодно.

Вообще плевать, не думаю, что что-то из-за этого поменяется. Но вот по факту: как только я посылая банши разряд, она вдруг становилась полупрозрачной, и разряд пролетал сквозь неё.

Рушил ещё какую-нибудь конструкцию несчастного Дворца Достижений, но поставленной цели как раз не достигал.

То же самое происходило, когда я пытался запереть гадину в энергетический шарик. И то же самое происходило, когда вмещивался Лёха: гигантские выюны друида прошибали сцену снизу и пытались ухватить Сколопендру, но всё тщетно. Только деревянный помост зря разворотили, вот и всё.

Короче...

Бой явно затянется.

– Лёх, – как можно тише я добрался до друида; софиты пока ещё слепили банши, и ориентировалась она плохо. – Это надолго. Свяжись с нашими, пускай отводят народ подальше и создают буферную зону...

– Понял, – кивнул Михеев и рванул прочь из зала.

Что характерно, не переспрашивал. Мне иногда кажется, что у него выборочная глухота. Когда надо – всё с первого раза слышит.

Итак...

Друид погнал прочь, а я в очередной раз двинулся к сцене. Что я задумал? Драться. Пусть банши вообще не по моей специальности, а я её всё равно угандошу. Сдуру ведь что угодно сломать можно, а дури во мне хватает.

Измотаю.

Даже если эти скачки из материального мира и обратно не жрут ману – то есть работают так же, как огонь Чертановой – то рано или поздно всё равно измотаю.

Потому что даже самые естественные вещи устаёшь делать: ходить, дышать, если повторяешь это долго и интенсивно. Потому любую тварь с любыми способностями можно утомить.

Может, за пару часов, а может, и за неделю, но исход предрешён. Её источник – это её источник, а мой источник – весь мир.

Так кто же победит в таком случае?

Вот и я говорю...

– Хах, – тут я аж хохотнул, потому как кое-что вспомнил.

В истории семьи Скуфидонских уже случался подобный эпизод! Ну прямо вот как под копирку! Один из моих прапрапрадедов – не знаю даже примерно, сколько там на самом деле должно быть «пра» – засветился в народном фольклоре, сражаясь с похожей бабайкой.

Классика прям.

В сказках значится некий мифический Соловей-Разбой-

ник, но на деле всё было куда прозаичней. Просто некий опальный боярин Соловьёв на почве уникального дара и недюжинной магической силы решил поиграть в сепаратизм.

Ну и доигрался, собственного говоря. До смерти и полного вычёркивания из Родословного Сборника Фамилий доигрался; победители написали новую историю, а эту гадину в неё ожидаемо не взяли. Так что остался Соловеюшка в народной памяти сказочным. И персонажем, и долбо...

Ладно...

Если верить моему семейному архиву, то прапра изматывал эту собаку три дня и три ночи. И дар у этой собаки тоже был как-то завязан на акустике.

Так что вот. Разница лишь в том, что Соловей свистел, а моя бабайка визжит, как истеричка. В остальном история повторяется.

Не наш ли отечественный банши он был? История умалчивает, ибо сравнивать предкам было не с кем.

Ну допустим...

Героическое многодневное превозмогалово – это, конечно, очень круто и эпично, но попытаться форсировать события всё равно стоит. И есть у меня одна идея.

– Эй! – крикнул я из зала и тут же прыгнул в сторону, уклонившись от крика. – Эй, дура! Сдавайся! Ты окружена! Твои люди мертвы! Давай договоримся по-хорошему!

– Ах-ха-ха-ха! – рассмеялась банши. – Ты всерьёз предлагаешь мне...

– Бах! – я послал в тварь сильнейший разряд сырцы. Конечно, ни о каких переговорах не может быть и речи. Да и быструю лёгкую смерть я ей обещать не могу, потому что любая смерть от моей магии – быстрая и лёгкая. Если только не пытаться специально.

Так что сейчас я просто понадеялся на то, что заболтаю банши и всё-таки попаду. Не вышло. Тварь оказалась проворней.

– Ур-р-род! – рывкнула Сколопендра, вернувшись в материальный мир. – Ты и впрямь думаешь меня одолеть?! Ты и впрямь думаешь, что я окружена?!

Отвечать не стал.

Приступил к выполнению плана номер два – ползком и втихаря добраться до раздолбанной каморки суфлёра и попробовать атаковать оттуда, то есть чуть ли не в упор шарахнуть. Посмотрим, что из этого получится.

– Наивный дурак! – разговорилась тем временем банши. – Поверь, мы ещё встретимся! – и тут вдруг...

Не мудрствуя лукаво, взяла и полетела на выход. Мне аж обидно стало от такой простоты. Подскочив, я начал бить по ней как из пулемёта, но всё мимо. Мимо, мимо, мимо. Тут же откуда ни возьмись появились Лёхины лианы – друид как мог силился ухватить Сколопендру, но тоже не преуспел.

Растения не могли поймать то, чего нет; банши двигалась к выходу из зала в своём нематериальном амплуа. Так ведь она и впрямь сбежит!

– С-с-с-сука, – прошипел я и бросился вдогонку...

– О-о-оооу! – опять протянула Дольче и ткнула Фонвизину локтем в бок. – Ты посмотри, как это мило! С полуслова друг друга понимают!

А речь шла об освобождении шаманки. Как оказалось, нельзя было просто взять и взрезать артефактную защиту ножницами; не всё так просто. Ира сказала, что некоторые из пут при нарушении целостности могут и убить.

К пленению Шамы триады отнеслись тщательно. Без недооценки противника. Шанса выбраться самостоятельно никакого. Да и посторонняя помощь с огромной долей вероятности отправит на тот свет. Подстраховались то есть.

Так что прямо сейчас Скуфидонская и Батхуяг в четыре руки играли на коконе шаманки, живо обсуждая процесс и щедро швыряясь друг в друга терминологией. Энергоканалы, цепи, шлюзы, перемычки, что к чему подвязано и что за что цепляется...

Пуускай Тамерлан не был ни одарённым, ни тем более артефактором, однако дисциплину знал получше многих и как ассистент был незаменим. Плюс знания, плюс аналитика этих самых знаний да плюс две руки, если нужно тупо что-то подержать.

Хакер уже давно говорил, что, несмотря на магическую природу, артефакторика гораздо ближе к кодировке, чем кажется. Никакой оккультности, никакой тайны, которую

невозможно было бы постичь. Всё очень логично. Всё взаимосвязано и капризно точь-в-точь так же, как и в языках программирования, когда из-за одной неуместной скобки рушится всё уравнение.

И более того!

Именно он выполнял за Иру некоторую часть работы. Изобретала Скуфидонская сама и первые образцы создавала тоже сама, а вот хакер задним числом сокращал артефакторные формулы. Избавлялся от лишних телодвижений и сводил всё к максимальной простоте. Свой труд Тамерлан называл «прописыванием макросов», чем периодически бесил Скуфидонскую, но...

Не сейчас.

Сейчас, в критической ситуации, вдали от лабораторий и компьютеров, хакер действительно оказался полезен. Если Скуфидонская где-то спотыкалась, то описывала ему, что видит благодаря своему дару, а он в свою очередь расшифровывал «код» и подсказывал решения.

– Погоди-погоди-погоди, – хмурился Тамерлан. – То есть всё на вот эту хрень зациклено?

– Ага.

– А эффект?

– Электрическая техника. Нарочно слабенькая, чтобы запутать... по ощущениям, как будто пальчиковая батарейка, но усиленная здесь, здесь и здесь.

– Как думаешь, сколько иксов?

– Если пойдёт по часовой, то икс сто, если против, то двести.

– Ага, – кивнул Тамерлан. – То есть либо тряхнёт, либо зажарит.

– Не вижу причин, по которой нужно создавать такую схему, чтобы просто потрясло. Зажарит, я тебе прям гарантирую.

– Кого зажарит?! – выпучила глаза шаманка. – Меня зажарит?! Зачем вы это гарантируете?!

– Ксюша, лежи тихонечко, пожалуйста, – улыбнулась Ира и потрепала Шаму за щёку. – Всё по красоте сделаем, не сомневайся.

– Но это не точно, – хохотнул Тамерлан.

– Чиво?!

– Режь здесь.

– Не надо!

– Ксюша, пожалуйста, не дёргайся.

– Не-е-е-ет!

– Для твоего же блага.

– Нет-нет-нет! Мне и так нормально! Давайте меня потом спасём, а?! Я уже привыкла и...

– Ты ничего не почувствуешь, – пообещала Ира.

– И это тоже неточно, – вставил хакер.

– Спасите! Помогите-и-и-ите! Оля?! Оля, слышишь?! Скажи им!

– А я-то тут при чём?

- Ты же княгиня!
- И что?
- Ир, режь.
- А-АААА!!! СПАСИТЕЕЕ!!!

Глава 2

Какая же быстрая тварь!

Едва я успел взлететь по ступенькам и выскочить в коридор, как бледная мерзость уже скрылась за поворотом. Уже не знаю, как работает её техника, и может ли она проходить сквозь стены, но она даже без этого быстрее меня!

Упустил что ли?!

Проиграл?!

И это мне что же теперь? Сдаться? Расписаться в собственном бессилии? Ночами не спать и ждать ужасной мести, потому что рядом рыщет злобная бесплотная тётя?!

Да хрен там плавал!

Слабость – для слабаков, а я догоню!

Догоню во что бы то ни стало! Как и хотел, буду следовать за ней до тех самых пор, пока она не устанет! Караванами, теплоходами, я тебя убью, мон ами!

– У-у-у-у-уф, – я на секунду остановился, напичкал конечности силушкой и рванул было дело вперёд, как вдруг...

Банши вернулась.

Выпрыгнула из-за угла обратно, вот только..., а что с лицом? Испуганная она какая-то стала, потерянная и злая даже больше, чем раньше.

Банши на секундочку материализовалась и крикнула:

– И-ИИИ-ИИИ! – куда-то в коридор.

Крикнула, а затем снова стала прозрачной и метнулась в противоположную сторону; прямо в глухую стену. И вроде бы даже начала сквозь неё проходить, но тут... бах! Ударилась о кирпичную кладку, как если бы была материальна. Ещё секунда, и из стены показался зелёный полупрозрачный щит.

Заяц!

Зайка Шестаковой, тут как тут!

– Бах! – а это ещё один подоспел, с другой стороны. С разбегу крепко приложил банши щитом по затылку. Ну отлично же! Отлично! Стало быть, скоро и мой выход! Шаманские миньоны щемят тварь на астральном плане, а я дожидаюсь наяву – прекрасная связка!

Третий и четвёртый зайцы не заставили себя ждать. Прозрачные мускулистые фигуры зажали банши в кольцо. Со стороны это было похоже на каноничную школьную сценку – как будто четыре хулигана окружили ботаника и теперь толкают его друг на друга.

Тварь в ответ ярилась, махала когтистыми руками и пыталась достать обидчиков, но всё без толку. А большего ей и не оставалось. Кричать она могла только во плоти.

Н-да...

Вот так знаменитый учёный Василий Иванович Скуфидонский сделал великое открытие в области метафизики: оказывается, что колебания упругих волн в газообразной среде никак не вяжутся с астральными проекциями.

А это значит что? А это значит, что если в старинном замке ночью кто-то стонет и гремит цепями, то с вероятностью в девяносто девять процентов это шумит БДСМ-оргия, а во все не жуткий призрак прежнего владельца замка.

– Щеми её, Ксюха! – заорал я, пускай до сих пор и не увидел шаманку. – Выкуривай с-с-суку!

– Хорошо, Василий Иванович! – донеслось до меня из-за угла.

Бах! Бах! Бах! Начался беспощадный пинг-понг Сколопендрой, где в качестве ракеток были призрачные щиты зайцев, а в роли шарика бледная зубастая башка. Бах! Бах! Бах!

Банши слабела.

Банши бледнела, хотя казалось бы – куда уж дальше?

Банши мотылялась из стороны в сторону, бесилась, но ничего не могла поделать с ситуацией. Не знаю, что случилось бы с ней, вырубись она в своём призрачном состоянии, ну так теперь и не узнаю никогда... в конце концов, тварь обрела материальные очертания и завизжала на зайцев в попытке отбиться.

Хватило ли мне тех долей секунд, чтобы снести ей голову?

Хватило...

– Прости, Аймурат, но вот это точно не моё.

– Э-э-э-э, – брат Тамерлана покачал головой. – Ну как так-то?! Батыр, он во всём батыр! – и снова всучил мне здоровенный композитный лук с кучей наворотов.

– Ну... ладно, – сказал я. – Допустим.

Встал, как учили – ноги на ширину плеч, левое плечо впёрёд, подбородок повыше – наложил стрелу, зажмурил один глаз, начал натягивать тетиву и – прунь! – опять порвал.

– Ну не моё, говорю же!

– Ладно-ладно, – бородатый улыбнулся и похлопал меня по плечу. – Всё равно батыр!

Батыр я или не батыр, мы выясняли вот уже несколько часов кряду. Зачем-то. Зачем – даже не представляю, но сам я даже не заикался на этот счёт, не спорил и звание не отстаивал. Оно как-то всё само случилось.

Итого:

Бревно я уже метал, с тройкой лошадей в перетягивание каната играл, и да простит меня Мишаня, отжимал медведя от груди.

Честно говоря, я вообще не понял, как мы здесь оказались! Как будто морок какой-то! Вот мы с Шестаковой убиваем эту грёбаную Сколопендру. Вот выбираемся наружу.

Вот к Дворцу Достижений в компании ордынских пограничников приезжают люди Гринёва. Вот Ирка объясняет им за Чао и его сознательность и перевоспитание, вот мы грузим Чао в машину, вот мы стоим, переводим дух и дышим воздухом, а потом вдруг р-р-р-р-раз, и вот: уже посасываем кальян, сидя на тахте во двореике семьи Батхуяг.

То, что ордынцы на своей земле ребята дружелюбные и гостеприимные – это как бы непреложный факт; это всем и

без меня известно, так что не удивлю. Но! Семья Тамерлана в своём гостеприимстве оказалась какой-то... какой-то яростной! Непримиимо-дружелюбной и ультимативно-гостеприимной!

Отказать им просто не получилось!

Закрутили, завертели! А поехали, Василий Иванович, а мы тебя не можем просто так отпустить, а это как же так гостя не уважить?! А вот тебе вино попробуй; это с нашего виноградника. А давай танцовщиц пригласим, а давай на лошадях покатаемся, а давай то, а давай сё...

Короче...

Прямиком из Дворца Достижений Атырау мы почти сразу же попали за праздничный стол. Дамир, племянш Тамерлана, сказал, что с мэрией города сам всё утрясёт и за ущерб рассчитается. Мол, так и так, наши пограничники недоглядели, а потому и косяк за нами. Да и в целом, мой интерес в истории со Сколопендрами – вытащить из плена своих девок, а дальше уже пускай специально-обученные люди разбираются.

Закрыл я для себя этот вопрос.

Сколько ехали и куда, рассуждать не берусь, потому что в пути немножечко задремал от усталости. Всё-таки потрепала меня банши знатно, и мозгу требовалась перезагрузка.

Вздремнул я, получается, а когда проснулся, мы уже были здесь.

– Я тут всё детство провёл, – неловко улыбнулся Тамер-

лан.

И всем бы, блин, такое детство!

Трёхэтажный дворец посреди степи. Беленький, чистенький, весь в вензелях и барельефах. Прикидывать квадратуру даже не берусь. Ни дома, ни уж тем более придомового участка – такое чувство, что ограда уходила куда-то далеко за горизонт.

У дома – прудик с карпами на восточный манер, за домом – конюшня. Гостевых домиков вообще не счесть – турбаза настоящая или кемпинг. Изнутри домики представляли собой махонькие такие однокомнатные квартирki-студии без кухни, но всё равно.

Было их настолько дохрена, что каждой альтушке свой собственный выделили. А нас с Лёхой вообще объявили ба-тырами и настояли, чтобы мы заняли крыло в хозяйском доме.

Затем семейство Батхуяг дало нам буквально пятнадцать минут привести себя в порядок, и понеслась.

– Пойдём-пойдём-пойдём, Василий Ива-а-а-аныч! – увлекал меня за собой Аймурат. – Дорогой ты мой, тебя одного ждём! На том свете отдыхать будем, а сейчас веселиться надо!

Погода позволяла, а потому сели на улице. За длинным столом собралось человек, не соврать, пятьдесят. И каждый приходился Тамерлану ближайшим родственником, а уж кто кем – тут сорян, как говорится, но эту информацию с наскака

не освоить.

Кроме Дамира и Аймурата, мне хорошо запомнился лишь один пузатый сумрачный господин в белых кожаных туфлях – уж больно он меня взглядом сверлил. Ну, честное слово, как будто я ему денег должен! В остальном же – радушие как оно есть; искреннее и прямо вот через край. У нас всё-таки менталитет северный, более сдержанный, и такое бурное выражение чувств может показаться наигранным, но... это в нас скорее проблема, а не в них.

Итак...

Живая восточная музыка, живые кареокские танцовщицы – сисястенькие и в юбках из монет – вино, веселье, ну а стол... о-хо-хо. Вот... не хочется грешить на Кузьмича. Он в курсе, что продукты – это самое последнее, на чём я хотел бы сэкономить, но всё равно таких фруктов в Подмоскovie сроду нам на стол не доставал.

Дыни без преувеличения – мёд. Персики чуть не лопаются от сока, а виноград такого калибра я вообще никогда не видел – размером чуть ли не с бильярдный шар. Кстати! Особенно этим виноградом заинтересовались Лёха со Стекловой. Друиды сплёвывали косточки в руку, а потом без палева пихали их по карманам.

А это значит, что новый стартап уже на подходе. Как с куста; не успели ещё арбузы забыться. Когда только всё это успевать?

Ну да ладно!

К столу:

Фрукты, орехи, свежий хлеб из тандыра, разноцветные восточные сладости, от которых аж зубы слипаются, и, конечно же, мясо. Барашкин шашлык. Сказочный настолько, что аж материться хочется. Корейка, стало быть, и мякоть. Хрустящий жирок, тающие коллагеновые прослойки, да и сама плоть прямо по волокнам расходится.

– У-ууууу, – в какой-то момент голодная после плена Шестакова чуть в белково-углеводный обморок не отправилась; дорвалась девка до вкусного.

Так... что ещё?

Отдельная песня – это вино. Обычно я полусладкое не приемлю. Пускай оно хоть сто тысяч миллионов будет стоить и выросло на самом козырном склоне самого козырного региона Франции, один хрен.

И не столько из-за предрассудков насчёт того, что это девчочковый напиток, сколько из-за понимания: любое полусладкое вино – это сухое вино, которое испортили сахарным сиропом.

Так вот.

То, что подали к столу Батхуяги, было не просто полусладким, а прямо-таки сладко-сладким, но... это было вкусно! Домашнее креплёное фруктовое вино – вообще из другой оперы. Это не про аристократию; не про снобов с пресными рожками, которые катают по нёбу глоточек и чего-то там рассуждают про землистые нотки. Вино Батхуягов – это про ве-

селье в кругу своих. Пить его надлежало быстро и помногу.

Во всяком случае позолоченный кубок с рубинами, который вручил мне лично Аймурат, был не менее чем полулитровый.

– За возвращение нашего Тамерланчика! – заорал один из старших братьев нашего хакера. – До дна, до дна, до дна!

И весь напряг, связанный с кланом Сколопендр, Сингапуром, разрушенным мостом, пленённой сестрой и прочим-прочим-прочим, наконец-то меня отпустил. Фактически оно всё закончилось ещё утром, но мозгами я понял это только сейчас.

Ещё один тост – на сей раз в честь гостей – и Дамир потащил нас с Лёхой на свои игрища. Причём сперва просто хотел похвастаться какими-то породистыми конями, а потом слово за слово и давай нас на предмет батыра проверять.

А мы, как дети, только и рады были.

По факту, мы с Лёхой батыры и есть. Богатыри то есть. Вот только в империи это название подзабылось, и традиции европейщиной обросли. А тут батыров чтят.

– Лёха-батыр, давай теперь ты! – это Аймурат передал Чего другой лук.

И вот тут друид не оплошал. Попал в мишень с пятидесяти – кажется – метров. Не в яблочко, конечно, но всё равно очень близко.

– Ай да Лёх-батыр! – за это его тут же подхватили и начали качать на руках. – Ай да молодец!

Не знаю, с чего у них тут культ Михеева процветает, но о нём ордынцы явно наслышаны куда лучше, чем обо мне. Ну хоть тут секретность работает. Хотя бы немного.

– Пойдёмте за стол! – скомандовал Аймурат, и на том ба-тырские игры наконец-то закончились.

Начало темнеть.

Вокруг застолья зажглись факелы, на танцовщицах стало чуть меньше одежды, а музыканты пересели с национальных духовых на национальные ударные. Не помню точно, как эта их штукovina называется – то ли дарбука, а то ли дарабука... короче, кожаный такой барабанчик на длинной ножке.

И тут я заприметил, что Ира вместе с Шестаковой почему-то не участвуют во всеобщем веселье. Сидят невдалеке за отдельным столиком и о чём-то активно трут.

– Вась! – крикнула сестра, увидев меня. – Вась, иди сюда скорее!

Зев пещеры открывался прямиком на извергающийся вулкан. Александр Борисович Алёшин сидел на каменном троне, высеченном прямиком из чёрной породы, и наблюдал за шоу. Потому как больше наблюдать здесь было незачем.

Чуток сталактитов, чуток сталагмитов, черепа по полу, да вот и всё. Жилище Чамары изо всех сил стремилось к минимализму.

Да, за спиной часть пещеры отделялась шёлковой ширмой, за которой находилось ложе суккубы. Гигантская по-

стель с кучей подушек, свечи, бутылочки с маслами и какие-то странные качели с потолка, но... туда его не приглашали.

Хотел ли он туда?

О, да!

Но как бы ни была хороша Чамара...

– Не заманишь нас сиськами мясистыми, – твёрдо решил для себя повар.

За годы изнурительной работы его пирамида потребностей изрядно деформировалась. Да и юношеский спермотоксикоз уже не так бил по мозгам. Так что теперь, когда демоница торчала ему одно желание, он не собирался разменяться на несколько минут плотских удовольствий.

Нет-нет-нет...

Такой шанс нельзя слить так глупо.

– Скучал? – раздалось со стороны входа.

Хозяйка пещеры вернулась. Соблазнительно покачивая бёдрами, она подошла к трону, присела на подлокотник и как будто бы невзначай прижалась грудью прямо к лицу повара.

– Не передумал?

– Нет, – стиснув зубы ответил Алёшин и закинул ногу на ногу.

– Ну, как знаешь, – Чамара зловеще улыбнулась и передала повару пробирку с красной люминесцирующей жидкостью. – Это эссенция Ада.

– Кайф! – Алёшин вскочил с трона.

– Я выполнила свою часть сделки, – хмыкнула демоница и сползла на освободившееся сиденье.

– Спасибо!

– Не спеши, Алёш-ш-шин. Не спеши.

То ли улыбка была на её лице, а то ли оскал. В глазах демоницы в прямом смысле слова зажглись огни.

– Дальше ты принимаешь решение сам, – сказала она, едва сдерживая мрачную радость. – И только сам. Рекомендую хорошенечко подумать ещё раз. Взвесить все «за» и «против». Выпьешь, и твоя жизнь никогда не станет прежней...

– Мне батя так же про водку говорил, – пробубнил Алёшин, рассматривая жидкость на свет.

Чамара перестала улыбаться и едва удержалась от того, чтобы не закатить глаза. Ремарка повара была неуместна и развеивала всю атмосферу таинства.

– Кажется, ты не понимаешь, насколько всё серьёзно, маленький глупый человечиска.

– Да всё я понимаю, – отмахнулся Сан Борисович.

– Нет, не понимаешь! – суккуба повысила голос. – Это не шутка! Выпьешь и больше никогда не вернёшься в родной мир! Никогда не увидишь близких! Твоя душа навечно будет привязана к Аду! А помимо прочего, тебе придётся... эй! Ты что, уже выжрал всё?!

– Ага, – кивнул Алёшин, занюхивая эссенцию Ада рукавом.

– А дослушать?!

– «Помимо прочего, тебе придётся пожинать грешные души»? – уточнил повар. – Это ты хотела сказать?

– Не обязательно грешные, но...

– Поставить меня перед сложной нравственной дилеммой хотела, да? Типа, стоит ли мой покой всех тех страданий, которые я принесу в мир? Так вот слушай, стоит! Срать я хотел на грешников! Одним больше, одним меньше! Я для себя пожить хочу в кои-то веки! И чтобы не возвращаться на кухню, я не только на такое готов! Я готов даже на... ой...

Повар выпучил глаза и схватился за живот.

– Ой-ой-ой...

И тут:

– А-ААА!!! – Алёшин заорал от боли и упал на пол.

Кожа горела огнём. Заныли ногти, заболели зубы, виски сжало тисками, а пальцы ног как будто угодили в мясорубку. И ещё! Внезапно, один очаг боли расположился чуть выше задницы – не иначе Алёшину долбили копчик перфоратором.

– АААА-ААА-АА!!!

Превращение началось!

Катаясь по пещере, Алёшин стремительно краснел, будто брошенный в кастрюлю рак. Поварские тапки слетели, носки разорвались в клочья, и на месте человеческих ног появились копыта. Треснули штаны, и наружу вырвался длинный хвост с ороговевшим стреловидным наконечником.

Радужка глаз пожелтела, а сам зрачок вертикально вытя-

нулся. Увеличились в размерах клыки. Выросли звериные когти.

Итого метаморфоза длилась не дольше минуты, но для Алёшина время растянулось в бесконечность. Во-первых, больно. Во-вторых, самое значимое событие в жизни как-никак.

– У-у-у-ух, – адский повар кое-как поднялся на ноги.

Поднялся и первым делом отбил копытами о камень пещеры незамысловатую чечётку.

– Ах-ха-ха-ха-ха! – рассмеялся он. – Ну что?! Всё?! Я теперь демон?!

– Скорее уж чёрт, – скрестила Чамара руки на груди.

– Э-э-э! – протянул Алёшин. – В кругах, к которым я близок, слово «чёрт» – очень обидное, – а затем осмотрел свой хвост. – Ну демон же!

– Младший, – ответила суккуба. – Очень-очень-очень младший. Внештатный заместитель стажёра или что-то около того. От бездумной рычащей твари тебя отделяет всего лишь одна ступенька развития, и то... я не совсем понимаю почему.

– А и хрен с ним! – махнул рукой Алёшин и пустился в пляс. – Главное, что я теперь свободен! Ах-ха-ха-ха-ха!

Сан Борисович схватил суккубу за руку, сдёрнул с трона и закружил в танце. Теперь, когда все основные потребности повара – а именно «не быть поваром» – были удовлетворены, можно было задуматься и о прекрасной половине демо-

ничества.

– Ах-ха-ха-ха-ха! – Алёшин залихватски схватил суккубу за зад, за что тут же получил удар под дых и отлетел к дальней стене пещеры.

Собрал спиной несколько сталагмитов и затормозил затылком об камень. Проморгался, поднялся, отряхнулся и... снова заржал.

– Ты видела, а?! Видела?! Да я, блин, неубиваемый!

– Видела-видела, – вздохнула Чамара. – Теперь ты пригодишь для меня ужин?

– Легко! – ответил Алёшин, наощупь изучая свои новые клыки. – Где это твоё свидание будет проходить и когда?

– Да вот прямо здесь, – ответила суккуба. – И как можно скорее...

Глава 3

– ...я маленькая была, – продолжила рассказывать Шестакова. – Много чего не помню, много чего не понимаю. Да и не разговаривали со мной обо всяком таком... ну... сами понимаете. Сколько мне лет-то было?

– Понимаю, – кивнул я.

За спиной продолжалось безудержное веселье, а мы с сестрой и шаманкой сидели за отдельным столиком, болтали и передавали по кругу кальянную трубку. Аймурат поклялся, что специально для нас забил какой-то волшебный безникотиновый табак. Дым от него был густой и вкусный; не берусь утверждать, но похоже на микс мяты, винограда и ещё чего-то фруктового. Хотя, возможно, это был привкус от чаши, свёрстанной из грейпфрута.

А говорили мы – опять, блин! – про Сколопендр.

Радовало лишь то, что в прошедшем времени и вскользь. Ксюха наконец-то расслабилась и теперь честно вываливала на нас с сестрой всю правду.

И если очень коротко, то правда была такова: отец шаманки изобрёл уникальную глушилку, а Сколопендры ради этого изобретения вырезали весь род Шестаковых и выкрали тетрадку с чертежами. Затем Ксюша повзрослела и выкрали её обратно. Затем сингапурцы снова её выкрали! И вот, наконец-то, изрядно помотылявшись по миру, злосчастная

тетрадь снова оказалась в руках Шестаковой.

И да!

Репутация Иры Скуфидонской, как артефакторши, была спасена. Ни исправлять, ни перед кем-то оправдываться было не нужно.

– ...помню, как отец говорил, что эту штуку нельзя использовать для благих целей.

– Ну-у-у-у, – затянула Ирка.

– Тише, – перебил её на упреждение. – Пусть договорит.

Насколько я понял, перед отцом Шестаковой встала классическая дилемма создателя атомной бомбы. Придумал хератовину себе на голову, мучился-мучился, а в конце ещё и поплатился за то, что долго мучился.

– Так что я искала эту тетрадь, чтобы уничтожить, – тут на глаза Ксюхи навернулись слёзы. – Но не смогла...

Впрочем, Шама довольно быстро уладила эмоции и продолжила:

– Рука не поднялась. Это же, получается, всё, что осталось от моей семьи. Наследство моё, – а затем хмыкнула. – Приданное...

Тут позади начался какой-то кипиш. Крики, свист, хлопки, улюлюканья. Я обернулся посмотреть и понял, что это файершоу началось. Вот только не понял – танцовщицы смеились или просто сгоняли за всеми этими горящими штуковинами?

Не суть...

Главное, что огонь был обычным; не магическим. В противном случае, Дольче могла бы не удержаться и пойти хватать своим скиллом. А прилюдные демонстрации демонической силы нам явно ни к чему.

– Ну слушай, – слово взяла Ира. – Ты зря говоришь, что эту штуку нельзя для благих целей использовать. Ведь если у нас есть глушилка, то мы на её основе можем сделать такую охранную систему, которую она заглушить не сможет. Верно я рассуждаю?

– Ну... наверное?

– Да мы с тобой индустрию продвинем! – у Ирки аж глаза загорелись.

– Мы? – уточнила шаманка.

– Мы! А почему бы и нет? Я – артефактор, ты – техномаг!

Таких дел наворотим, что...

Тут Ирка осекалась, потому что к нашему столику подошла целая делегация. Тамерлан с братьями и тот самый господин в белых лакированных туфлях, что мне изначально не понравился. Как оказалось, не зря:

– Она?! – спросил пузан, указывая на Иру.

– Дядя Булат...

– Она, я спрашиваю?!

– Кхм-кхм, – прокашлялся я. – А в чём, собственно говоря, дело? И почему вы тычете пальцем в мою сестру?

Ситуация явно накалилась. С одной стороны, если бы не

родня Тамерлана, то неизвестно, чем мог закончиться эпизод со Сколопендрами. Скорее всего, я был бы сейчас международным преступником, прорвавшимся в Орду с боем.

И с транспортом клан Батхуяг нам помог, и в бою плечом к плечу встал, и приветил радушно. Накормили, напоили, разместили. Не одного, как говорится, барана в нашу честь зарезали и из кожи вон лезли, чтобы угодить.

С другой стороны, меня такое поведение «дяди Булата» не устраивает совершенно. Пусть эта истеричка только попробует что-то ляпнуть в адрес Иры – не стерплю. Мы хоть и гости, а вытирать об себя ноги не позволим.

– Тамерлан, как так?! – орал пузатый. – Ты что, позабыл о своих обязательствах?!

– Дядя, я был ребёнком, и за меня всё решили, так что...

– Решили, потому что так надо! Ты что, Тамерлан, старшим перечить собираешься?! Ты что, от корней отрываешься?!

О-хо-хо-хо-хо...

Ирка сейчас готова была сквозь землю провалиться; аж покраснела вся. Неловко ей – не то слово. И по-хорошему, мне бы сейчас врезать дяде Булату, чтобы тот закрыл свой рот. Но! Для такого поступка нужен веский повод.

Повод, которого мне пока что не дали. Вроде как разговор вокруг Иры вертится, однако про неё ни слова. Исключительно насчёт Тамерлана.

– Так, – я встал из-за стола и тут же.

– Погоди, Василий Иванович, – улыбаясь, меня за плечо обнял Аймурат; что характерно, без тени угрозы. – Погоди, пожалуйста, – а Тамерлан и его дядя тем временем продолжили выяснять отношения на повышенных тонах.

Итак...

Вся ситуация прекрасно читалась между строк. То, что Тамерлан живёт с моей сестрой – это я уже понял и даже частично принял. Было время поразмышлять. Не знаю, на какой именно стадии принятия неизбежного я сейчас нахожусь, но...

Блин.

Ира выросла. Факт. И рано или поздно обязательно задумается о семье. Отношусь я к ней всё-таки по-отечески, и бьюсь об заклад – в мире нет ни одного отца, который не муссировал бы те мысли, которые успел помуссировать я. Какие именно? Да понятно, блин, какие! Но сейчас не об этом.

Сейчас о новых вводных.

Насколько я понял, этот пузатый говнюк давным-давно договорился породниться через Тамерлана с другой влиятельной семьёй. Не берусь называть традицию варварской, потому что у нас тоже такое сплошь и рядом. Немного не в той форме, но всё же.

С Тамерланом я уже малость свыкся. Опять же, показал он себя хорошо. Хоть и хакер, а человек решительный, боевой. И Ирку любит, не зря же на след Сколопендр сразу напал и врагов не побоялся. Вроде как свой уже.

Драма между тем набирала обороты.

– Как ты мог позабыть о Диле?!

– Дядя, я видел её всего лишь раз в жизни и...

– И нечего тебе на неё смотреть до свадьбы!

Снова дядя Булат прошёл по краю. Первый же комментарий в адрес Иры или какое-нибудь сравнение, и ему бы не поздоровилось. Однако тут:

– Хватит! – заорал Тамерлан. – Замолчи!

– Да как ты смеешь?!

– Смею!

То, что у мальчонки есть яйца, я понял уже давно – поступки говорили сами за себя – однако всё равно остался под впечатлением.

– Это моя невеста! – заорал Тамерлан, указывая на Иру. – Хотите вы того или нет! Если не примете её, то я отрекусь от семьи! Уеду, но на сей раз навсегда! Совсем! И имя возьму другое! И фамилию! Стану Тимур Батхуягов!

– С таким именем в стенд-ап хорошо пойти, – ни к месту вставила шаманка, явно замороженная действием, и добавила ещё: – Хы-хы.

Наступила тишина.

Стол позади нас тоже смолк. Музыканты взяли паузу, да и барышни с огненными жезлами неловко молчали, ожидая, чем разрешится ситуация. Дядя Булат смотрел на Тамерлана. Тамерлан смотрел на дядю Булата.

– Любишь её, да? – наконец, разродился последний.

– Люблю!

И тут... всю мрачность пузатого как ветром сдуло. Широко улыбнувшись, он начал медленно хлопать в ладоши.

– Ай молодец, Тамерланчик! – присоединился Аймурат.

Ещё секунда, и грянули овации. Громкие, радостные, со свистом и имитированием волчьего воя.

– Ах-ха-ха-ха! – дядя Булат крепко обнял Тамерлана. – Диля уже три года как замужем! Проверяли мы тебя, племяш... ну а теперь, – пузатый отлип от хакера и взглянул на меня. – Теперь свататься будем!

Во как.

А я уж думал, что наше согласие не требуется.

– Ну что, Скуф-Батыр?! Родниться будем?! Благословишь моего племянника?!

Я в ответ лишь улыбнулся и протянул Тамерлану руку. Не смог удержаться, чтобы не сжать её побольнее – вместо тысячи слов о том, что думаю на весь этот счёт.

– Уай-я-я-я-я! – чуть ли не на ухо заорал мне Аймурат, вытащил из кармана пульт и тыкнул на большую красную кнопку.

Грянул салют.

– Ир, – шепнул я сестре на ухо спустя пару минут, когда, наконец, сумел протолкаться к ней сквозь родню Тамерлана. – Ты же не будешь брать его фамилию?

– Конечно же нет, – шепнула в ответ сестра.

Всё хорошо, что хорошо заканчивается, – подумал я...

Светило солнце. На юг улетал клин журавлей. Где-то вдалеке на разные голоса орали карликовые козлы, а Кузьмич рубил лопатой головы кротам.

Удалёнка.

Ну наконец-то, чёрт возьми! Наконец-то я дома!

Даже не знаю, сколько прошло времени с событий в Атырау – совсем потерялся в днях – но не меньше недели точно. Пускай обратно мы добирались самолётом – шпицы в багажном отделении охренели от соседства с Мишаней – я всё равно принял решение отдыхать.

Любое движение группы «Альта» обязательно приводит к остросюжетным последствиям, а потому пускай не двигаются хоть какое-то время совсем.

И хотя отдых немного затянулся, я всё равно ни о чём не жалею.

Передышка была нужна.

Да и потом! Передышка не есть бездействие. Мир не тормознул по моей прихоти, и события в нём продолжили происходить, да притом вскачь.

Господа министры – вот, например, почти закончили полигон. На днях должны сдать в эксплуатацию; вот тогда-то мы тренировки и возобновим. Не терпится уже раскрыть потенциал Смертиной или Стекловой.

Последняя, впрочем, и без меня справляется. С утра до ночи пропадает с Михеевым... у них там дел невпроворот,

и всё нужно успеть до зимы. И звёздный кактус, и арбузы, и виноград, и мало ли что ещё.

М-м-м... Дальше:

Ира с Тамерланом выкупили тот злополучный дом, посредством которого на нас нападали вот уже два раза, так что теперь – ну я, блин, очень на это надеюсь! – оттуда угрозы ждать не стоит. Сестра так загорелась идеей совместных разработок с Шестаковой, что решила переехать в Удалёнку. Лабораторию свою перетащила, наработки все, компьютеры.

Пришлось, правда, с председателем договариваться о проведении дополнительной линии электроснабжения. Всё-таки для нормальной работы ребятам нужен бесперебойный источник энергии – а в идеале вообще автономный.

Яковлевич сперва артачился, но за деньги, как говорится, да.

Плюс несколько дизельных генераторов на всякий случай закупили, чтобы уж наверняка. Во-о-от..., а тестировать новейшую охранную систему было решено на моём доме. Ну... Раз уж старая перегорела без права на реабилитацию, то почему бы и нет?

Так что Шестакова у меня теперь тоже при деле.

Как и Чертанова: покуда в закрытии трещин образовался перерыв, она договорилась со своей демоницей на ежедневные уроки. Уходила в лес рано по утру, а возвращалась к ужину. Довольная, усталая и неизменно провонявшая дымом.

Невольно задумаешься о том, что правильная работа высшего начальства заключается в том, чтобы загрузить работой других. И пока что я прекрасно справляюсь!

Так...

Что ещё?

Уладили вопрос с Женькой Даниловым. Раз уж сингапурские инвесторы оказались пшиком, то есть ведь на этот случай и русские. Я вот, например.

Да-да-да, заводу быть, а я отныне владелец половины всех активов новоиспечённого бренда «Jack Daniels». Бабки, вырученные после авантюры с Несвицкими, пошли на благое дело. Женька счастлив, да и я тоже рад.

Работать решили в строгом пополаме, без контрольного пакета акций.

А чтобы спустя много-много поколений семьи Скуфидонских и Даниловых вдруг не решили всё это дело переиграть и не наломали дров по дороге, был составлен договор. Не абы кем, а Иммануилом Абрамовичем Куцевичем – тот прописал всё так, что передел имущества практически невозможен.

Ну и наконец...

– Звали, Василий Иванович?

– Звал-звал, – улыбнулся я. – Проходи, Ксюш, садись.

Шаманка подозрительно сощурилась, открыла калитку и двинулась к беседке в мою сторону. Оглядывалась по дороге, как какой-то мелкий грызун, и явно ожидала подвоха. Ну оно и понятно, на самом деле. До сих пор мы встречались с

Шестаковой тет-а-тет только для того, чтобы я выписал аль-тушке щедрых звиздюлей.

Но не сегодня!

Сегодня повод самый что ни на есть радостный.

– Садись, – я указал шаманке на скамейку напротив, а сам взялся за телефон. – Алло, Степан Викторович, здорова! Включаю громкую связь, Шестакова рядом.

– Э-э-э, да, – сперва замялся Стёпка. – Ксения Константиновна, здравствуйте!

– Здравствуйте, – Шама выпучила на меня глаза.

Выпучила и беззвучно спросила, мол, что за дела? Я так же беззвучно попросил её слушать внимательно.

– Ксения Константиновна! Во-первых, хочу выразить восхищение тем, как стойко вы перенесли все невзгоды плена и...

– Стёп, давай к основному, – попросил я.

– Хорошо. Ксения Константиновна, от лица Его Величества я хочу поблагодарить вас за содействие в поимке опасной преступной группировки, а также неоценимый вклад в технологическое развитие Империи...

– Чиво? – шёпотом уточнила у меня Шама.

– Чертежи, – объяснил я. – Наверху в курсе про вашу с Ирой работу.

– ...я чрезвычайно рад, что именно мне выпала честь сообщить вам эту новость! Ксения Константиновна, указом Его Величества вам возвращается титул, утраченный вашим

отцом ввиду трагических обстоятельств.

– Чиво-о-о-о-о?!

– Отныне вы – баронесса Шестакова! Поздравляю вас, Ваше Благородие!

– Ваше... Благо... чиво-о-о-о-о?

Татуированное Благородие с розовыми волосами пучила на меня глаза и хватала ртом воздух.

– Это ещё не всё, – подмигнул я.

– Так же уполномочен сообщить, что отныне ваш титул является наследным, – продолжил Стёпка. – Так что через неделю мы ждём вас в Кремле с тем, чтобы торжественно вписать ваше имя в Родословный Сборник Фамилий Российской Империи.

– У-у-у-у...

– Ваше Благородие?

– Всё нормально, Стёп, – хохотнул я. – Это она так радуется.

Кажется, у Шестаковой голова закружилась. Ну да. Не каждый день узнаёшь, что будущий муж не будь дураком возьмёт твою фамилию... ещё бы Тамерлан так же поступил – было бы вообще прекрасно.

– Ксюш, ты как? – спросил я.

– Н-н-нормально.

– Тогда скажи дяде Стёпе «спасибо».

– Спасибо, дядя Стёпа.

– Вам спасибо, Ваше Благородие! – крикнул Державин. –

Служу Империи! – и отключился.

А шаманка поднялась со скамейки и на ватных ногах молча побрела куда-то вдаль. Тут она вспомнила о моём присутствии, оглянулась ошалелым взглядом, сказала:

– А это кто был?

– Ректор твой, Степан Викторович Державин.

– Ааа... понятно.... Я туда, – и махнула в неопределённую сторону.

– Иди-иди, – ухмыльнулся я. – Благородие...

Не уверен, что слово «инаугурация» подходит ко вполне себе обычному жалованию баронского титула, однако Шестакова повторила его сегодня раз сто.

Не меньше.

А что надеть на инаугурацию? А что с собой взять на инаугурацию? А кто будет на инаугурации? А кого можно взять с собой на инаугурацию?

В конечном итоге пригласила с собой меня, Лёху и всю группу «Альта». На инаугурацию, ага. О том, что Шестакова вскорости станет баронессой, я знал уже несколько дней – собственно, я эту идею и продавал – а потому успел подготовиться. Так что сегодня вечером планировался предварительный праздник.

Маленький, но отнюдь не скромный.

Кузьмич уже подсуетился насчёт стола и пиротехники. Темнеет пока ещё поздно, так что бахать в ночи над Удалён-

кой полноценный салют – как мне кажется – перебор. А потому мы взяли всего одну коробку фейерверка на пару минут, зато о-о-о-очень много бенгальских огней и китайских фонтанчиков.

Девки, для которых титул Шестаковой стал новостью, уже вовсю суетились. Хотя... я бы даже сказал «преимущественно суетились». Праздник должен был состояться у меня дома, а потому всё основное подготовил Кузьмич. Альтушки же в основном бегали туда-сюда с выпученными глазами, красили эти самые выпученные глаза и искали подходящий случаю наряд.

Одна только Долчье пока что запропастилась в лесу. Но это нормально; это планово. У них сегодня занятие с демонницей. А та, – стоит отдать ей должное, – Чертанову не щадит и всякий раз уматывает в чепуху.

А вот, собственное говоря, и она.

– Василий Иванович! – крикнула взлохмаченная Катя, едва вывернув из-за угла.

Я как раз вышел за участок и забирал у курьера подарок для Шестаковой – два вольфрамовых кастета, стилизованных под заячьи лапки. И на каждом инициалы «К.Ш.» с вензельками. Штука дорогая, но пока что бесполезная.

Но это не беда.

На то, чтобы сделать из кастетов полноценные артефакты, она уж как-нибудь сама с Иринкой договорится.

– Спасибо, – расписался я на бланке и отпустил курьера.

– Василий Иванович! – тем временем Чертанова перешла на бег. – Василий Иванович, хорошо, что я вас встретила!
Так...

Опыт общения с альтушками у меня уже имеется. А потому я хорошо знаю, что с подобных заявлений неизменно начинается какой-то кипиш. С одной стороны. А с другой, очередь Чертановой косячить и втягивать меня в сомнительные ситуации уже прошла. Хватит; пора бы и другим уступить.

О-хо-хо...

То ли юмору, а то ли пророчествую.

– Василий Иванович, Чамара очень хотела вас видеть.

– Демоница, что ли?

Не то чтобы я не помнил её имя, но на всякий случай решил уточнить. Ну... Чтобы подчеркнуть абсурдность обстоятельств. То есть меня хочет видеть не кто-нибудь, а вот именно прям демоница. Что уже само по себе ненормально, поскольку точек соприкосновения с Адом, кроме Чертановой, у меня нет и быть не может.

– Да, – кивнула Дольче, а сама лыбится так хитро и волосята свои чернявые на палец наматывает.

– Зачем?

– Сказала, что это очень срочно.

– Подробности, – попросил я. – Хочу знать контекст.

– Да я сама не знаю, – довольно искренне сказала Катя, и, как мне показалось, в её голосе сквознула обида на демоницу. – Что-то связанное с моим обучением. А что именно

она не сказала.

– Накосячила чего-то где-то?

– Нет! – тут обида стала ещё сильнее. – Ничего я не косячила!

Ну...

Ладно.

Сказать, что мне совсем неинтересно общение с разумным иномирным существом – значит соврать самому себе. Пускай говорит, что хочет, а потом и я её немножечко расспрошу. Всё-таки мои амбиции лежат в области скуфонавтики, и кто как не наша штатная суккуба может поделиться полезными сведениями относительно других реальностей?

А потому я быстро взглянул на часы и решил, что полчаса-час у меня точно есть.

– На, – вручил я Чертановой посылку. – Передай Кузьмичу, он знает, что делать.

– Ага, – мотнула альтушка головой. – А чего это?

– Подарок Шестаковой.

– А чой-то?! У неё днюха, что ли?

– Нет.

– А...

– Потом сама расскажет, – я подтолкнул Дольче к калитке, а потом вдруг вспомнил: – И ещё! Тебе задание. Ответственное, как сама ответственность. Пока я отлучусь, проследи за тем, чтобы вся группа «Альта» была рядом с домом. И чтобы ни почтальоны, ни соседи, ни приставы, ни газовые службы,

ни свидетели моржовы к участку даже на пушечный выстрел не подходили. Это понятно?

– Да, Василий Иванович!

– Я сейчас абсолютно серьёзно, – уточнил я. – Если что, не стесняйтесь. Один предупредительный в воздух, а потом сразу же на уничтожение. Поняла?

– Поняла, Василий Иванович!

– Ну тогда шуруй.

Как оказалось, мир кишмя кишит людьми, которые желают зла либо мне, либо кому-нибудь из моих воспитанниц. И не хватало ещё, чтобы какая-нибудь погань пробралась ко мне в дом в тот самый момент, когда охранная система вышла из строя...

Глава 4

– Кто хороший мальчик?! – я почесал грифондюка по рёбрам. – Лёня – хороший ма-а-а-альчик!

Монстр так соскучился по человеческому обществу, что кинулся ко мне, едва завидев. Вёл себя, как здоровенный добродушный пёс. Разве что ввиду физиологии слюнями не пачкался и вместо поскуливания радостно гулюгал.

Чамары рядом с порталом до сих пор не было.

Не могу сказать, что очень давно жду – пару минут всего – но всё равно. Неприлично как-то приглашать, а потом опаздывать. Хотя-я-я-я... в Аду, должно быть, свои понятия о приличном и неприличном.

И тут.

– Василь-ли-ван-ни-и-и-ищъ, – раздалось прямо над ухом, так что я даже чуть не вздрогнул.

– Здорова, рогатая, – сказал я, обернулся и...

Малость охренел от неожиданности.

То ли в Аду стало слишком жарко, а то ли мода сменилась, но демоница сегодня выглядела не так, как я её себе запомнил.

Переоделась.

Не то, чтобы она была одета как монашка в момент нашей последней встречи, но сейчас... хм-м-м... даже не знаю, как подобный наряд обозвать. То ли платье, то ли подтяжки, а

то ли рыболовная сеть.

Короче: от шеи и до пупа демоницы шли два тонюсеньких лоскута чёрной кожи, основная задача которых заключалась в том, чтобы скрыть сосцы и спушапить грудь. Чуть ниже точь-в-точь такие же лоскуты собрались в крохотные трусики, плавно переходящие в чулки, а затем и в чёрный высокие сапоги.

На чём вся эта латексная конструкция держалась – вообще непонятно. На честном слове, разве что.

Ну да ладно. Это я сейчас нижний слой одежды расписал, а был ведь ещё и верхний. Игривый топ из крупной сетки, который скрывал чуть меньше чем нихрена, и пышная юбка из чёрного тюля с чёрными же нашитыми розочками. По идее – ну я так думаю, во всяком случае – «верхний» слой одежды должен был нивелировать порнушность образа, а вот нихрена. Только усугублял.

– Нравится? – спросила Чамара и покрутилась вокруг своей оси.

Тут же я сложил два и два: какие ещё, к чёртовой матери, сапоги? У неё же копыта! Как такое возможно-то вообще?

– Кхм-кхм, – коротко прокашлялся я и тут же похвалил себя за выдержку; в целом лицо удалось сохранить. – Катя сказала, что ты зачем-то хотела меня видеть.

– Хотела, – томно улыбнулась Чамара. – Очень хотела, – и тут вдруг резко посерьёзнела. – Так что скажи, как перестанешь паяться, это, кстати не обязательно должно случиться

быстро, и я перейду к делу.

– К делу, – попросил я. – Давай сразу к делу.

– Ну как знаешь, – демоница разочарованно пожала плечами. – Если коротко, то ваш мир в опасности. Отец Чертановой довольно быстро освободился и теперь жаждет мстить. Как раз собирает новое войско.

– Так...

Новость так себе. Помнится, в последний раз эту гадину мы победили только благодаря чуду. С другой стороны, от-
радно, что Чамара следует договору и предупредила меня о вторжении.

– Что нужно делать?

– Идти и убивать тварь, пока не поздно, – ответила рога-
тая. – Не буду вдаваться в подробности, но там, в Аду, он уязвим. А здесь нет. Так что это, Василь-ли-вань-нищ, твой единственный шанс.

– Каков твой интерес?

– Клятва, – и опять плечами дрыгнула, коза такая. – Я же обещала, помнишь? Чтобы защитить ваш мир, я проведу тебя в Ад, прямиком к Папе. Формально на этом моя помощь закончится, а дальше сам-сам-сам... согласен?

Я машинально взглянул на часы, и даже как-то неловко стало. Какое-то куцее спасение мира получается, не правда ли? А как же подготовка? А как же сбор команды? А как же накал страстей и повышение ставок?

– Приключение на пять минут, – улыбнулась Чамара. – За-

шли и вышли. Поверь, Василь-ли-вань-нищ, там этот недомерок не доставит тебе хлопот.

– Ну допустим..., а обратно ты меня выведешь?

– Выведу, конечно.

– А...

– Не ищи подвоха там, где его нет, – перебила меня рогатая. – Ты либо идёшь, либо нет...

– Охренеть-охренеть-охренеть!

Чертанова визжала, прыгала и хлопала в ладоши.

– Поздравляю тебя, Ксюх! От всей души поздравляю! Ты заслужила, как никто другой!

Кадет Дольче попыталась стиснуть новоиспечённую баронессу в объятия, но та резко отстранилась.

– Ты бы переоделась, что ли? – ещё и нос скривила.

– Так ведь...

Нет!

Получение титула не вскружило Шестаковой голову, и та вовсе не зазналась. Кадет Дольче оглядела себя и поняла, что к чему. Таинственная и неоднозначная формулировка «пачкающая одежда», о которой упоминается в правилах пользования Московским Метрополитеном, как раз была применима к её наряду.

За последние несколько занятий Чамара удовлетворилась её владением огненной стихией, так что теперь натаскивала ученицу на контроль. И специально для этого притащила на

тренировку племя полумразумных монстров.

Чтобы не называть тварей «тварями», Дольче сама придумала для них название. Даже два. Либо Медунаги, либо Унагидузы. Дело в том, что монстры почти точь-в-точь походили на мифическую Медузу Горгону, вот только вместо змей у них на голове копошилась целая связка пресноводных угрей.

Не для красоты, само собой.

Электрических.

А занятие заключалось в следующем: очередная Унагидуза бежала на Чертанову с тем, чтобы шарахнуть её током, а Чертанова без применения огненных техник пыталась убедить монстра в том, что так делать не надо – то бишь подчинить своим демоническим Голосом.

Получалось не всегда.

Потому-то кадет Дольче сейчас и выглядела лихо. Вся с ног до головы в засохшей слизи и кровище, оборванная и взъерошенная. Как будто бы простуженный великан использовал её вместо носового платка или что-то около того.

– Кать, ты бы и правда привела себя в порядок, а? – прокомментировала Её Сиятельство Фонвизина и потащила самовар дальше, к столу.

– Нет, – твёрдо ответила Дольче.

В голове тут же вспомнился приказ Скуфидонского. «Проследи за тем, чтобы вся группа „Альта“ была рядом с домом-домом-омом-омом», – эхом прокатилось в голове: – «Это понятно-нятно-нятно-нятно?»

– Больная, что ли?

– Нет!

– Ты серьёзно собираешься праздновать в таком виде?

– Да!

Пару раз Чертанова уже ослушалась своего командира, и ничем хорошим это не закончилось. Так что теперь она намеревалась ни на шаг не отходить от инструкций.

– Ты совсем бом-бом? – уточнила Шестакова.

Уточнила и тут же получила развёрнутое пояснение что, зачем да почему. Ведь... по сути, никакого секрета в приказе Василия Ивановича не было. И более того, девкам стоило о нём знать. Никто не покинет участок Скуфидонского, и никто на него не попадёт до тех пор, пока не вступит в силу новый приказ.

Всё ясно. Всё понятно.

– Ну... Ну ладно, – пожала плечами Ксюша. – Я тогда пойду наверх посмотрю. Может, в старой Ириной комнате остались какие-то вещи.

– Нет-нет-нет! – встряла Рита Смертина, которая по поводу «инаугурации» подружки суежилась в два, в три, а может, даже и в четыре раза больше остальных. – У тебя праздник! Отдыхай! Я сама схожу!

И пошла.

На кухне Вильгельм Куртович колдовал над праздничным салатом. Праздник был девчочковый, а потому и блюда Кузьмич старался подбирать соответствующие – никаких сегодня

парусников из сала и прочей жиру углеводной прелести.

Всё лёгкое, всё красивое и изысканное.

Так вот... салат!

Будучи лично знакомым с Александром Борисовичем Алёшиным, Кузьмич позаимствовал у величайшего кулинара трассы Москва-Сакраменто рецепт соуса. Две части сметаны, часть горчицы и – внезапно! – часть мякоти банана. Ещё щепотка икры летучей рыбы, четвертинки винограда, копчёная утка и непосредственно салатные листья.

На слух – отврат, как он есть.

По факту – вкуснотища.

– Только никому не рассказывай, – подмигнул Кузьмич и расплющил плоской стороной ножа банан.

Всё-таки основная фишка салата была в том, чтобы огласить список ингредиентов после того, как едок навернул первую вилочку.

– Никому, – улыбнулась Смертина, изобразила запираание рта на замок и двинулась дальше.

Мимо кухни, в гостиную, по ступеням на второй этаж и в бывшую комнату Ирины Ивановны Скуфидонской. Да, если здесь и остались какие-то вещи, то после обороны дома Кузьмичом они обязательно будут вонять фритюром, но... это всё-таки лучше того, в чём Дольче ходит сейчас.

Логично, что сперва Рита открыла и проверила шкаф. Пусто. Затем заглянула в тумбочку. Пусто. В корзине для белья, на спинке стула и на подоконнике тоже ни намёка на одежду.

– Посмотри под кроватью, – сказала... Корона. – Может, там что-то затерялось?

– Ага, спасибо, – ответила Смертина и полезла под кровать, но-о-о-о... тоже пусто.

– Тогда зайди ко мне на чердак, – продолжил подсказывать голос. – Тут точно есть во что приодеться.

Рита замерла.

– Что за...

Морок?! Наваждение?! Или пресловутая подростковая деменция?! Первая реплика голоса, прозвучавшая в голове, была чем-то само собой разумеющимся! Чем-то нормальным и обыденным, хотя раньше со Смертиной точно ничего подобного не происходило! Точно-точно! Не было у неё ни воображаемых друзей, ни ментальных расстройств!

Да ещё и...

Корона? У голоса, который так бесцеремонно вторгся к ней в голову, помимо прочего ещё и имя было! Рита знала его, хотя голос и не представился. Как так-то?!

– Что за чёрт? – Смертина вылезла из-под кровати и огляделась.

Никого.

– Кто здесь?!

А в ответ тишина.

– Ау?!

Показалось?

Да, должно быть, всё-таки показалось. Но показалось так

реалистично и ярко, что теперь это предмет для следующей беседы с психологом! Врождённая тревожность Риты Смертиной просто не позволила бы сохранить этот эпизод в тайне и ни с кем им не поделиться.

Да, блин!

Она сама себя с ума сведёт, если не поговорит с кем-то об этом прямо сейчас! Риту пробило на холодный пот. Задрожали руки. Внезапный страх одновременно сковал тело и буквально приказывал бежать отсюда! Обратно! К людям! В общество! Скорей-скорей, туда, где ты не одна, где друзья и шум, и светит солнце, и вообще не страшно!

Проглотив болючий комок, Рита сделала шаг, другой, и тут...

– Бу! – голос внезапно вернулся. – Испугалась? Не бойся, я – друг...

Смертина хотела было заорать, но вместо крика из горла вылетело лишь сдавленное сипение.

– ...иди сюда, иди ко мне, – продолжил тем временем голос. – Поднимись ко мне на чердак, посмотри мне в глаза...

К ещё большему ужасу, ноги Риты сами потопали в сторону лестницы, ведущей наверх; контроль над телом был утерян безвозвратно.

– ...ты хочешь увидеть меня? Я хочу тебя увидеть! Давай смотреть друг на друга, пока наши глаза не устанут...

– Ы-ы-ы-ы, – сквозь сведённые зубы ещё раз попыталась закричать Рита, но опять безуспешно. Точь-в-точь сонный

паралич, только без сна, паралича и разумного объяснения происходящему. Ступенька, ступенька, ещё ступенька, и вот – собственная рука Смертиной без её разрешения взялась за ручку.

– Ты боишься? Почему? – как будто бы насмехаясь, спросил голос. – Что-то не так?

За красным порталом, который построили адепты Чурчхеллы, ожидаемо, находился очередной бублик. На сей раз не астральный, не болотный, а вот как есть пустынный. Песок, песок, песок... кругом песок. Под ногами песок, над головой песок; закруглённые стены тоже сплошь из песка.

В качестве освещения – люминесцирующие кактусы.

Не звёздные!

Вообще ни разу не похожие на кактус Стекловой, а большие и раскидистые. Как будто сошли с иллюстраций детской книжки про ковбоев. Воображение само дорисовывало к ним перекаати-поле, бизона и табун диких мустангов.

Чамара уверенно провела меня по этим барханам к другой портальной арке, и мы оказались в Аду.

Ад соответствовал всем моим самым смелым ожиданиям. Так себе местечко. Сразу понятно, что любой немагической органике здесь придёт моментальный звездец. Небо красное-красное; ярче, чем во время лесного пожара. Кругом выжженная земля, вулканы, сопки, гейзеры. Никакой растительности и никакой, к счастью, живности.

– За мной, – поманила Чамара, и мы двинулись дальше.

Десять минут по пересечённой местности, пять минут вверх по горе – не самой крутой из тех, по которым мне доводилось лазать – и перед нами возник вход в пещеру.

– Ублюдок там? – уточнил я, чтобы понимать: готовиться мне к бою или не готовиться.

– Там-там, – покивала рогатая. – Иди...

Что ж...

Пока спасение мира происходит в максимальной степени сумбурно, но кто сказал, что обязательно должны быть превозможания? Сейчас залечу, по-быстрому прикончу Папу – на сей раз окончательно – и успею к первому тосту за здоровье Её Благородия Шестаковой.

– У-у-у-у! – я сразу решил обозначить своё присутствие акустически и забежал в пещеру, а там...

Столик.

В первую очередь мой взгляд зацепился за столик. Круглый, застеленный белой скатертью и сервированный, как в лучших домах. Подстановочные тарелочки, полный набор серебряных приборов, ваза с красными розами и канделябр с горящими свечами.

Так...

Что ещё?

Сверху каменные сосульки висят. Все стены завешаны красным шёлком, и из-за этого атмосфера... как бы так сказать? Наверное, она могла бы быть романтической, если бы не

была такой проститутушной.

– Сюрпри-и-и-из, – мурлыкнула за спиной Чамара и приобняла меня за плечи.

– Э-э-э, – я тут же отстранился.

Ну а ещё бы!

Подвох.

Явный подвох, и автор этого подвоха – демоница. Сулит ли мне это что-то хорошее? Со стопроцентной вероятностью ответом будет «нет». Да, я живу стереотипами! Ничего плохого в этом не вижу и, более того, настоятельно всем рекомендую поступать так же! Потому что берутся они не с потолка! Например, когда ты мыслишь стереотипно, у тебя гораздо меньше шансов отдать все свои сбережения цыганке не вокзале.

– Какого хрена тут происходит?

– У нас свидание, – улыбнулась суккуба и прошла мимо меня к столику, по пути размашисто виляя попой, кое-как укрытой прозрачным чёрным фатином. – Только не ругайся, Василь-ли-вань-нищ. Я пообещала не причинять никому из твоего мира зла. Так вот я и не причиняю. А во имя причинения добра могу обманывать кого угодно и сколько угодно. Такова моя природа, и я ничего не нарушаю.

– Объясняй!

– Присядь, пожалуйста, – рогатая присела за столик и закинула ногу на ногу. – Ну же. У меня для тебя ещё много сюрпризов. Например...

Чамара хлопнула в ладоши, и занавесь по правую руку от меня отъехала в сторону. За ней оказался железный конь.

Прямо вот железный. Прямо вот конь. Уж не знаю, что это за тварь такая и откуда она взялась, но думается, что без трансформации трещин тут не обошлось. Ржавая острозубая скотина была похожа на... м-м-м... кажется, это называется инсталляцией. Модные артхаусные художники той породы, что шарятся в поисках материалов по помойкам, просто обожают такую вот хренотень.

Налепят что-то наспех, а потом с одухотворённым хлебальничком рассасывают плебсу глубокие смыслы, зашитые в их кривопалую поделку.

Так вот...

Эта инсталляция была живой. Завидев меня, коняга с металлическим скрежетом встал на дыбы и заржал. Мне бы похорошему шарахнуть в него сырцой, не вникая в подробности, но... На шее у коняги была верёвка, другой конец которой был надёжно закреплён за сталагмит.

Так что лошадка, вроде как, была не опасна.

– Нравится?

– Чего? – я сперва даже не понял о чём речь.

– Железный конь, – пояснила Чамара. – Мо-то-циклъ. Катя сказала, что тебе нравится такое.

– Э-э-э...

– Понятно, – демоница нахмурилась, хлопнула в ладоши ещё раз, и теперь в сторону поехало левое шёлковое заграж-

дение.

Твою ма-а-а-а-ать...

Если железный конь – это мотоцикл, то мне страшно даже представить, что демоница подразумевала вот под этим действием. За левой ширмой стояли четыре чёрненьких чумазеньких чёртенка, – примерно таких же уродов мы пачками валили на поле возле Удалёнки во время вторжения Папы.

При этом один из них был за руки-ноги привязан к дыбе. Второй неумело держал в руках гитару с раздолбанной ву-смерть верхней декой, третий аж по самые гланды засунул себе в рот кларнет, а вот четвёртый... у четвёртого при себе, кажется, был электрошокер.

– Начинайте, парни! – крикнула Чамара, и парни начали.

Шокер затрещал и впился под рёбра привязанному к дыбе демону. Гитарист начал долбить по струнам, а кларнетист... по правде говоря я не понял, что он делает, но его, кажется, вот-вот вырвет.

– А-АААА-АААА!!! – заорал бедолага на дыбе. – А-ААААА-АААА!!!

– Рок, – улыбаясь, пояснила Чамара. – Электричество, гитары, и кто-то громко орёт. Чертанова объясняла мне всё именно так, – тут тень сомнений упала на лицо демоницы. – Опять что-то не то?

– Не совсем, – честно признался я. – Попроси их заткнуться, ладно?

Хлопок в ладоши, и ширма поехала обратно, скрывая с глаз моих этот квартет уродцев.

– Ну извини, Василь-ли-вань-нищ, – развела руками Чамара. – Я слишком мало знаю о вашей культуре. Но если ты не совсем чёрствый сухарь, то обязательно оценишь мои старания. Присядь.

Суккуба обиженно надула губёхи.

– Пожалуйста.

Что ж...

Раз уж я всё равно здесь. И раз уж потусторонняя сущность ради меня выставила себя на посмешище, то-о-о-о... Как минимум я должен выслушать, чего она хочет.

– Ну хорошо, – сказал я и присел на соседний стул. – Только давай, пожалуйста, сразу к делу. Зачем ты всё это делаешь? С какой целью ты меня сюда заманила?

– Я ухаживаю за тобой, Василь-ли-вань-нищ...

– Ы-ыхх, – это мне в промежность упёрся сапог демоницы, который я тут же скинул обратно.

Глава 5

Негоже, чтобы промежности солдат Его Величества топтали сапогами. Про «ухаживания» я вообще молчу. Да, по современным правилам, дамы инициативу вполне себе способны проявлять.

Но!

Это если мы берём отношения двух человек. Здесь же ситуация куда более неоднозначная складывается...

– Послушай, – сказал я. – Мне всё это не нравится.

– Почему?

– Потому что я не верю, что существо вроде тебя способно испытывать романтическую привязанность. А даже если способно, то всё равно не верю. В общей сложности мы общались не более получаса. Слишком уж какой-то ненадёжный фундамент для отношений, пускай даже и легкомысленных.

– Слышал что-нибудь про любовь с первого взгляда? – улыбнулась суккуба. – В неё-то ты веришь?

– В неё верю, – неохотно, но пришлось согласиться. – Но опять-таки, причём здесь ты? Ты же исчадие Ада, демон-искуситель и жнец грешных душ? Где ты и где романтика?

– Неужели ты думаешь, что мне чуждо...

– Да, – перебил я демоницу. – Думаю, что тебе чуждо.

– Ладно...

Тут Чамара хлопнула в ладоши, и в стороны разъехались «основные», самые большие шёлковые шторы. За ними оказался настоящий траходром. Клянусь, никогда таких огромных кроватей не видел. Подушечки, свечи, одеялки – всё в избытке и ассортименте.

– А можешь ли ты допустить, Василь-ли-вань-нищ, что исчадие Ада просто идёт на поводу у своих страстей? Что, если ты искусил демона-искусителя, и теперь мне кровь из носу нужно тебя попользовать? М-м-м-м? Что, если я не успокоюсь, пока не получу этот трофей?

Совру, если скажу, что ничуть не разволновался. Предварительная эрекция была уже тут как тут. Да и сама мысль о том, чтобы прямо сейчас взять, да и овладеть краснокожей демоницей с такими вот формами была соблазнительной. Экзотика, как она есть.

Однако вот какой плюс есть у моего возраста и насмотренности – гормоны служат мне, а не я служу гормонам. Так что терять голову я не собирался, а вместо этого решил докопаться до сути вещей.

Плюс... сама ситуация, в которой за меня решают, с кем и когда мне спать, меня категорически не устраивала.

– Не верю, – просто сказал я. – Рогатая, не пудри мне мозги. Ничего не делается просто так. Я жду от тебя подвоха не просто так. Он обязательно есть. Расскажи какой, а дальше посмотрим.

– Ну ладно...

Демоница встала из-за стола, заложила руки за спину и отошла чуть подальше. Встала на фоне извергающегося вулкана и таки начала слово молвить:

– Я не знаю, что ты за существо, Василь-ли-вань-нищ, – сказала демоница, – но я хочу от тебя наследника...

Ну вот так бы сразу!

– ...уверена, что ребёнок от нашего союза станет новым князем Ада...

И сразу же мой ответ – нет! Не собираюсь я плодить демонов ни под каким соусом. Почему? А потому что. И даже не вижу причин, по которым это стоит разжёвывать.

Да, перед глазами есть положительный пример Чертановой, которая уродилась от подобной связи и выросла нормальной. Но опять же воспитывал её кто? А здесь воспитательница очевидна, и ничем хорошим это не закончится.

– ...если наше дитя унаследует твою силу и моё коварство, то ему не будет равных ни в одном из миров...

Во-во!

И я о том же!

Рогатая продолжила балаболить свою пафосную речь, а передо мной вдруг возникло блюдо под выпуклой крышкой. Честно говоря, я даже не заметил, как подошёл официант. А официант был, потому что красная когтистая рука схватилась за баранчик и резко его убрала.

– У-у-у-уф, – выдохнул я.

В глубокой фарфоровой тарелке находилось блюдо, кото-

рое... Чёрт! Кажется, демоница заразила меня своим пафосом! Или нет? Просто это на самом деле было блюдо, которому нет равных ни в одном из миров. Макарошки-рожки с консервированной тушиной. С лавровым листиком и чёрным перцем крупного помола.

– Она попросила приготовить твоё любимое, – шепнул мне прямо на ухо подозрительно знакомый голос. – Сейчас ещё рулетики из баклажанов принесу.

Я повернул голову и охренел сильнее, чем от попадания в Ад, траходрома и замысла Чамары вместе взятых. Алёшин! А если быть точнее, то его демоническая копия. Или нет?

– Это я, – улыбнулся Сан Борисович, а затем галантно лизнул бровь длиннющим раздвоенным языком. – Как видишь, наконец-то уволился.

– ...короли! Императоры! Правители и военачальники всех мастей падут ниц перед нашим тугосерей-годовасиком! – демоница тем временем разошлась так, что аж руки к небу воздела и перешла на крик. – Вселенная содрогнётся от его поступи! Сами законы мироздания...

– Так, – я тихонечко встал из-за стола и поманил Алёшина за собой. – Ну-ка пойдём, поговорим...

На чердаке было совсем пусто.

Ну... почти.

По углам стояли четыре стальных куба – насколько понимала Смертина, это были исключенные охранные артефакты

– и ещё один по центру. Центральный оказался значительно крупнее и в отличие от остальных имел сверху что-то типа крышки.

И всё.

Ничего такого, что ожидаешь увидеть на чердаках тут не было и в помине. Ни старого велосипеда, ни коробки с ёлочными игрушками, ни самой ёлки, ни даже мешков с рандомным хламом.

Пять стальных кубов, пыль и пустота.

– Спасибо, что пришла, – сказал голос. – Я ценю твоё участие.

– М-м-м-м, – вновь промычала Рита Смертина.

Единственное, что она до сих пор могла контролировать самостоятельно, так это дыхание. Учащённое и сбивчивое от лютого страха и паники. Что-то непонятное очень крепко завладело её телом, и как этому сопротивляться было откровенно непонятно.

Магический дар тоже заглох, как будто и не было никогда.

Слёзы по щекам, холодный пот и остервенелое сопение – вот и всё, что в данный момент представляла из себя Рита Смертина.

– Да не бойся, – сказал голос. – Я ведь почти такая же, как ты.

И тут из-за центрального куба медленно выглянуло лицо. Действительно, сходство со Смертиной было неоспоримо. Бледная девушка примерно её же возраста, такая же ху-

денькая и такая же черноволосая; с очень похожими – можно даже сказать «узнаваемыми» – чертами лица. Вдобавок ко всему ещё и одетая точь-в-точь как Смертина.

Вот только...

Глаза.

Стеклянные. Мёртвые. Как будто бы игрушечные. В то время как человеческий глаз вне зависимости от желания самого человека совершает два-три движения в секунду, глаза этой твари оставались неподвижны. Смотрели прямо перед собой и не двигались, так что ей приходилось наводить взгляд головой.

Да эта тварь даже не моргала!

Тварь! Именно «тварь»! Никакой это не человек, и быть им не может! Чёрт!

Смертину накрыла очередная волна страха.

– Должно быть ты думаешь, что я под тебя подстраиваюсь? – неумело улыбнулась бледная девочка, которую почему-то хотелось называть Короной. – Что ж. Так и есть. Хотела понравиться. Вот только...

Тут она начала резко меняться.

Сперва у Короны налилась грудь, а бёдра значительно раздались вширь. Затем она вытянулась на несколько сантиметров вверх и будто бы окрепла. Затем впалое вытянутое лицо приятно и по-девичьи округлилось. Ещё пара секунд, волосы Короны резко посветлели, и перед Ритой Смертиной стояла никто иная, как кадет Стекловата. Лишь глаза – эти грёба-

ные безжизненные пуговицы – остались теми же.

– Вот только тебе самой больше нравится вот так, – утвердительно сказала Корона и покружилась, не поднимая пыль и не оставляя на ней следов. – Не так ли, Рита? Ты хотела бы быть такой, да? Чтобы мальчики смотрели на тебя, а не только на твоих подруг...

Нездоровая херня.

Как есть нездоровая. Да, у Риты Смертиной было полным-полно комплексов. Да, непобеждённые подростковые робость и застенчивость со временем стали частью её характера. Да, конечно, она завидовала своим «более красивым» подругам! Тут стоит отметить, что завидовала она скорее не красоте – себя Рита уродиной совсем не считала – а тому, что те умели этой самой красотой пользоваться, но...

Но!

Вот какой важный момент! Среди всех сокурсниц Рита считала самой привлекательной именно Стеклову! Хотя – казалось бы – если брать среднюю температуру по палате и принятые в современном обществе вкусы, то секс-символом группы «Альта» должна была быть именно кадет Дольче.

Так вот об этом она никому и никогда вслух не говорила. А это значит что? А это значит, что тварь перед ней контролирует не только её тело, но и голову. Сидит глубоко-глубоко в мозгах, дёргает за ниточки и играет. С мрачной кошачьей жестокостью играет.

Менталист?

– Если хочешь, то можешь считать, что менталист, – ответила Корона, улыбнулась и подошла совсем-совсем близко. – Вам, людям, с классификацией живётся проще. Всё разложить по полочкам, всё промаркировать, подписать и объяснить. Я не стану тебя переубеждать.

Тварь провела ладонью по лицу Смертиной, а затем зашла за спину.

– Наверное, тебе интересно, что происходит? Я расскажу, – продолжила Корона. – Тебе, девочка, достался уникальный дар. Ты же знаешь об этом? Зна-а-а-аешь. Конечно же, ты всё знаешь.

– М-м-м-м...

– Да только что толку? – голос твари вдруг стал мужским, и она снова появилась в зоне видимости оцепеневшей альтушки; вот только на сей раз в образе Василия Ивановича Скуфидонского. – Что толку в твоём даре, Смертина, если ты слабая?

– М-м-м-м...

– Да не мычи ты, идиотина! Хочешь что-то сказать, просто подумай.

«Я не слабая».

– Ну-ну, – усмехнулась Корона. – Ты толком не можешь помочь коллективу. Ты бесполезна. Неужели ты не понимаешь, что тебя просто жалеют, идиотина. Подумай-ка хорошенько, а? Кто с тобой учится? Маги с уникальными способностями! Каждая – негранённый бриллиант! А ты?!

«Я тоже...»

– Нее-е-е-ет! – тварь рассмеялась, всё так же безжизненно глазами. – Нет-нет-нет. Ты просто недобитый некромант. Взяли самую слабенькую из помёта. Слабенькую, безвольную. Ту, которой можно управлять. А теперь просто хотят посмотреть, что из этого получится.

«Неправда! Это мои мысли! Это мои страхи, которые я сама себе придумала и...»

– Ну поздравляю, Рита...

Василий Иванович резко сморщился и ужался в размерах. А помимо прочего отрастил розовые волосы и покрылся та-туировками. Диалог Короны продолжался от лица Её Благододия Шестаковой.

– Поздравляю тебя хотя бы с тем, что аналитического мышления тебе не занимать. Сама поняла весь расклад.

«Чего ты хочешь?!»

– Играюсь, – и опять эта жуткая ухмылка. – Как там? С мрачной кошачьей жестокостью, да?

«Прекрати!»

– Не-е-е-ет, – протянула Корона. – Не теперь. Слишком долго я ждала в этом чёртовом ящике. Кстати! Подойди и посмотри на меня настоящую.

Ноги Смертиной сами двинулись в сторону стального куба, а руки Смертиной сами откинули крышку.

Мимо железного коня, за небольшое ограждение из ста-

лагмитов и вниз, по выдолбленным прямо из скальной породы ступеням.

На кухню.

На Адскую, мать её так, кухню.

Однако вопреки тому, что локация находилась там, до куда СЭС никогда не доберётся – хотя утверждать не берусь – Алёшин про стандарты и нормы общепита не забыл. Чистота кругом, порядочек. Стеллажи с посудой из пищевой нержавеющей стали. Промаркированные разноцветные доски, подписанные ножи, все дела. Стена и пол в крупной белой плитке, а наверху меж сталактитов жужжат вытяжки.

А ещё толстый кабель прямо из стены тянется и питает оборудование: холодильники, плиты и прочую утварь по мелочи.

Блин...

Как будто обратно на землю попал.

– Ты что натворил? – первым же делом спросил я Алёшина, когда мы остались наедине. – Это насовсем?

– Насовсем, – довольно кивнул тот.

Процокал копытами по кухне, залез рукой на холодильник и нащупал пачку сигарет.

– О боже-боже, он курит на кухне! – спародировал Сан Борисович неизвестный мне тоненький женский голос. – Давайте его оштрафуем! – а затем выбил из пачки сигарету, вставил в рот и прикурил прямо от пальца. – Себя, сука, оштрафуйте, утырки...

– Так...

В голове у меня это всё не до конца укладывалось.

– Она тебя похитила?

– М-м-м, – сладко затягиваясь, Алёшин отрицательно помотал рогатой головой, а потом на выдохе сквозь дым сказал: – Сам пошёл.

– Нахрена?

– А нахрена мне там оставаться?

Ну... да, помню я его традиционные истерики. Однако даже не подозревал, что человека настолько всё достало, что он аж в Ад сбежал. И чего только ко мне на службу не пошёл? Разгрузил бы мне Кузьмича, тот бы кротов победил наконец-то.

– И как? – спросил я, пытаюсь сформулировать вменяемый вопрос. – Как это произошло? – я обвёл Алёшина руками, подразумевая его внешний вид.

Повар понял.

– Э-э-э, – и тут же отмахнулся, будто бы дело это настолько пустяковое, что вообще никакого внимания не заслуживает. – Выпил какую-то красную бурдинушку, чуть покочевряжился на полу и вот. Зато глянь какой хвост! – похвастался Сан Борисович. – И огнём теперь пиу-пиу умею! Маг, блин! Почти как ты!

– Почти, – кивнул я.

– Так и-и-и-и... что теперь дальше?

– Дальше не знаю, – пожал плечами Алёшин. – Чамара ме-

ня наняла только на время вашего свидания. Потом я, вроде как, свободен и сам себе хозяин. Впервые в жизни, прикинь? Пойду поищу какой-нибудь мир курорт, чтобы пляжик, и солнце, и коктейли с трубочками...

– А ты не боишься, что тебя из этого мира попрут взашей, как только увидят?

– Может быть, – кивнул Алёшин. – А может быть и нет. Узнаем. И кстати! Всё обо мне, да обо мне. У тебя-то как, Василий Иванович? Как свидание проходит? Нормально всё?

– Я бы так не сказал.

– А чего? Не нравится? – Алёшин затушил сигарету о копыто и выкинул бычок куда-то за холодильники. – Это ты зря. Чамара – баба хорошая. Долбанута на всю голову, но прикольная. А сиськи какие? А жопа? Я бы такую жопу, как шляпу носил, клянусь! Ну да ты и сам всё видел...

Вот!

Кажется, я что-то нащупал.

– Нравится она тебе что ли, Сан Борисович? – лукаво улыбнулся я.

– Так, ясен хрен, нравится, – покраснеть повар не мог чисто физиологически, потому как уже был с ног до головы цвета свежей ссадины, но явно что смутился. – Да только куда мне, Иванович, с тобой тягаться? – а тут и вовсе расстроился.

Вообще, я привык из сложных жизненных перипетий выходить самостоятельно, своими силами, трудом и решения-

ми. Однако, блин, вообще не откажусь, чтобы хоть разок всё решилось само собой. Ну а тем более так... экстравагантно.

Зараза рогатая меня обманула? Обманула. Решила, что это в моих интересах и для моей же пользы? Решила. Ну вот, значит, и я над ней немножечко подшучу. И решу, что связь с многострадальным поваром пойдёт ей впрок.

Да и вообще!

Как знать?

Может, с моей лёгкой руки начнётся что-то большое и чистое?!

– Не надо со мной тягаться, Сан Борисыч, не надо – я улыбнулся, подошёл и похлопал повара по плечу. – Поэтому я уступлю. Уйду с дороги, чтобы не мешать вашему священному союзу.

– Да какому союзу?

– Такому, Санечка! – я взял Алёшина и хорошенечко потряхнул. – Ты думаешь, она просто так тебя выбрала среди всех поваров всех миров?!

– Ну-у-у-у... она сказала, мол, это чтобы тебя умаслить...

– Гнилая отмазка! А меня она зачем сюда притащила, как ты думаешь?!

– Ну-у-у-у...

– Чтобы ты ревновал!

Кошачьи зрачки адского повара удивлённо расширились.

– Серьёзно?

– Серьёзно! – крикнул я. – А ты как думаешь?! С обыч-

ной земной бабой совладать ой как непросто, а с суккубой и подавно! У них голова по-своему работает, понимаешь?! Не так, как у нас! А эмансипация, Сан Борисыч, это такая же сказка, как справедливость или прода каждый день!

– Чего? – нахмурился повар. – Какая прода?

– Им надо, чтобы самец был! Мужичара чтобы! Яйца, табак, перегар и щетина, Сан Борисович! Чтобы ты пришёл, схватил её за загривок и чётко обозначил, мол, моя самка! Ты понимаешь меня?!

– Ну... Не... Ну... Не, – заладил Алёшин, но всё-таки решил, что: – Ну да, понимаю.

– Ну а тогда чего ты ждёшь?! Иди! Иди и покажи этой сучке, кто тут настоящий демон!

– Красивая, да?

Внутри на шёлковой подушке лежала костяная корона. Сам обод состоял из раздробленных фрагментов, а вот зубчики короны были сделаны из фаланг пальцев. Самый длинный торчал по центру – будто корона показывала неприличный жест – а в стороны от него расходились пальцы всё меньше, и меньше, и меньше. Ближе к виску, кажется, начинались...

– Детские, – подтвердила Корона. – Да-да-да, тебе не показалось. Ну так что, Рита? Хочешь меня примерить?

– М-м-м-м...

– А, впрочем, твоё согласие не требуется.

Тварь оперлась локтями на край ящика и уставилась Смертиной прямо в глаза. Тут же по лицу Короны рассыпались веснушки, а волосы стремительно начали рыжеть. Настала очередь превращаться в Фонвизину.

– Ладно, – сказала тварь. – Так и быть. Расскажу. Мне нужно твоё тело, Рита. Твоё тело с твоим – слышишь? – и только с твоим даром. Уж больно он мне по душе. Такой соплячке, как ты, от него всё равно никакого проку, зато я... я умею с ним обращаться. Я смогу раскрыть весь его потенциал.

– М-М-М-М!!! – изо всех сил замычала Рита, когда её руки сами потянулись к Короне. – М-М-М-М-М-МММ!

– А ты пока посиди в этой грёбаной безделушке, согласна?

– М-М-ММММ-МММ!

– Не бойсь! Я вернусь за тобой, когда настанет время для таких, как мы.

– М-МММ-МММ!

Рыжие кудряшки выпрямились, мёртвые глаза позеленели; тварь вытянулась и стала выглядеть точь-в-точь как Юля Ромашкина. А затем, отпрыгнув от ящика, внезапно затанцевала. Ломано, дёргано, будто ведьма вокруг ритуального костра.

– Пусть заточили в артефакт! – пропела мерзость, хаотично дрыгаясь, пока Смертина продолжала тянуться к короне. – Но не убили! Это факт! Ту-ту-ру-ту-ру-ру-ру! Ту-ту-ру-ту-ру-ру-ру!

Всё ближе и ближе.

Ближе и ближе.

– Альтушкам он покажет нос, и Скуфа рассмешит до слёз, он очень скоро будет тут... скажите! Как его зовут?!

– ЛИЧ! – рявкнула Рита Смертина, изогнувшись всем телом. А впрочем... это уже была не Рита Смертина...

Глава 6

Русский повар после внезапного преобразования тащит демоническую сущность по пещере за рога в направлении кровати. Пожалуй, теперь в этой жизни я видел всё. Ну а если и не всё, то достаточно – хорош уже, хватит. Внуки без историй не останутся.

Что до самого инцидента.

Хм-м-м...

Скажем так: есть у меня некоторые интересные мысли. Я уверен, что при желании Чамара в мгновение ока размазала бы зарвавшегося Сан Борисыча. Помню я и танцы с саблями в её исполнении, и потоки огня, и внезапные скачки в пространстве. Алёшин же – без году неделя как маг и научился разве что прикуривать от пальца.

Не та весовая категория, ой не та...

Однако Чамара не тронула повара даже пальцем, и вывод напрашивается сам собой.

Сперва суккуба, конечно, опешила от такого напора. Потом заинтересовалась. Потом для проформы начала язвить и говорить гадости, но явно что заинтересовалась. Ну а когда Алёшин всё тем же не терпящим возражений басом заявил, что он здесь главный, вконец растаяла.

Что ж...

Ко всем моим жизненным заслугам теперь добавилась

ещё и ачивка свахи. Совет, как говорится, да любовь.

Не знаю, получится ли из отпрыска Сан Борисовича князь Ада, от поступи которого будут содрогаться короли и императоры, но узнаем мы об этом довольно скоро. Поскольку начинаться этот самый отпрыск будет явно сегодня и явно сейчас.

Ну а я... я пошёл.

Дружба дружбой, но держать свечку совершенно не хотелось. Санечка взрослый, уж как-нибудь сам справится.

Первые трудности с возвращением возникли сразу же. Стоило мне переступить порог пещеры, как от первого вздоха у меня чуть лёгкие не зажарились. Не знаю, что и как поддерживает внутри жилища Чамары комфортные условия для органики, но снаружи оно не работает.

Пришлось взять прохладу и воздух с собой внутри энергетического шарика, а потом бегом добираться до первых врат. Увы и ах, побродить по окрестностям и рассмотреть Ад сегодня не удалось – дюже я спешил, пока кислород внутри барьера не выгорел к чёртовой матери.

Упарился я по дороге знатно. Самая лютая баня по сравнению с Адом всё равно что бытовой обогреватель-ветерок против раскочегаренного сопла реактивного самолёта. Жар пробивался даже сквозь барьер из сырой магии.

Но всё хорошо, что хорошо заканчивается.

По песчаному бублику тоже блуждать не пришлось – наши с Чамарой следы тянулись по песку аж до самого выхода.

Вышел.

Посмотрел на часы.

Итого моё турне в Ад заняло чуть больше часа. При том, что на штатное закрытие аномальной трещины по регламенту отводится сто минут – неплохо. Выбежал, повершил судьбы и обратно. И сразу же к столу.

– Кадет Дольче...

Я посмотрел на Катю, а потом на остальных альтушек. Снова на Катю, и снова на остальных. То ли Мишаня в лесу помер – в таком случае светлая память мохнатому отморозку – а то ли раки освоили художественный свист и уже забрались в горы, но Чертанова вела себя не как Чертанова.

Мне всегда казалось, что косметика, наряды и прочее вот-это-вот девчачье – это всё по её части.

Однако сегодня, в то время как подружки уже преобразились в компанию молодых аристократочек, кадет Дольче выглядела так, будто бы только что стояла на долгом светофоре и за мелочь протирала фары.

– Ты бы переоделась к столу, что ли?

– Что?! – выпучила глаза Чертанова. – Так вы же... Так я же... Так вы же сказали никому от дома не отходить и никого к дому не подпускать!

– А ведь и точно, – вспомнил я. – Молодец, кадет Дольче! Но всё равно переоденься...

Нарочно сильно топая и фыркая себе под нос, Катя Чертанова вышла с участка и исчезла в направлении дома Чего.

Что ж...

Не могу не порадоваться, что за время моего отсутствия ничего не случилось. Да и в самом деле... пора бы уже как-то побороть свою альтушечью тревожность. На чужих ошибках никто не учится, и это непреложная истина. Но группа «Альта» уже успела наделать своих, чтобы окститься и научиться думать прежде, чем делать.

Так что пора бы доверять девкам и прекратить крутить в голове всякие такие мысли.

– Ну что? – я подошёл к виновнице торжества, которая о чём-то оживлённо тёрла с Иринкой, но тут вдруг внезапно бросилась мне на шею.

– Спасибо-спасибо-спасибо! – и даже в щёку чмокнула.

– Чего «спасибо»-то? – не понял я.

– Кастеты! – крикнула Ксюха и шутливо двинула мне в живот. – В форме лапок! Просто прелесть!

– Рад, что тебе понравилось... кхм... н-да. Так это, чего хотел-то? Ваше Благородие, мы кого-то ещё ждём или можем начинать?

– Можем-можем! – кивнула Шестакова, а потом заорала на весь участок: – Прошу всех к столу!

Вечер прошёл просто сказочно.

Есть какой-то особый кайф в ранней осени. Сидеть допоздна, укутавшись в плед, травить байки в компании чисто из своих, слушать девичье щебетание и звонкий смех – это

ли не счастье, как оно есть?

В какой-то момент Кузьмич отобрал у девок шампанское, скрылся в доме и вернулся с трёхлитровой кастрюлей австрийского глинтвейна и половником. Чем именно отличается австрийский глинтвейн от неавстрийского камердинер объяснить не смог, но один хрен было вкусно.

Китайские фонарики и бенгальские огни пришлись в тему. Каждый тост сопровождался искрами и приятным шипением, Шестакова настаивала.

Ожидаемо, что юная баронесса была в центре внимания. Настроение у Ксюхи играло, и эта её визгливая весёлость заражала всех остальных. Что интересно! Даже Риту Смертину. Обычно тихая скромница сегодня прямо-таки... распоясалась.

Может, расслабилась наконец-то?

Было у меня такое чувство, что она с самого приезда не в своей тарелке. И ко мне холодно, и к девкам настороженно, и вообще вся из себя тише воды ниже травы. Хотя казалось бы... почему? Разве ж её обижал кто из наших?

Короче!

Тормозить внезапно раскрывшуюся альтушку я не собирался, потому что это не педагогично и вообще бесчеловечно. Но не могу не отметить, что прежняя Рита Смертина нравилась мне куда больше.

– Аристократия! – кричала Смерть. – Мы же все здесь аристократия! Так давайте и развлекаться по-аристократи-

чески! Василий Иванович, у вас есть пистолет?!

– Что? – я аж глинтвейном поперхнулся. – Зачем?

– Давайте сыграем в русскую рулетку!

– Не-не-не-не...

Я быстро убедил Риту, что это плохая идея и что играть с ней никто не собирается, хотя она уже собиралась бежать домой за своим «ружьём». На эту её хренатовину и смотреть-то страшно, не то, что к виску приставлять. Даже полностью разряженную.

На какое-то время Смертина успокоилась, но уже через час её осенила очередная гениальная идея:

– А пойдёмте плавать в озере!

Тоже так себе досуг. Особенно учитывая, что темнота вокруг кромешная, да и вообще относительно прохладно. Тут мне пришлось быть более убедительным, потому как кое-кто из захмелевших девок затею поддержал.

Выручила Шестакова. Рывкнула, мол, это её праздник, и никто купаться не пойдёт.

Во-о-от...

Что ещё?

Смертина изволила шутить. И вот тут, конечно, получалось забавно:

– Акробат умер на батуте и ещё какое-то время продолжал радовать публику трюками.

Или:

– Вот поступлю в автошколу, и станет на одного пешехода

меньше. Или не на одного...

Ох уж эта некромантская профдеформация. Никогда за ней раньше такого не замечал, ну так оно и понятно: раньше Рита в основном молчала и неловко улыбалась.

Короче...

Как командир отряда я сделал свои собственные выводы. И запоздалую интеграцию Ритки в коллектив воспринял как чёткий сигнал: пора бы обратить на неё чуть больше внимания и уделить чуть больше времени её персональному развитию. Девка и так сильна, а я из неё настоящую королеву ночи сделаю.

Вот только как?

Всё-таки опыта натаскивания некромантов у меня нет. Личного опыта пользования техники тоже нет. Да и толкового наставника для Смертиной днём с огнём не сыщешь. Если так прикинуть, то у меня в кругу знакомых всего лишь один некромант имеется, да только эта мразь прямо сейчас чалится на чердаке и, пока я жив, оттуда не выйдет.

Хм-м-м...

Завтра первым же делом отзвонюсь Державину и спрошу совета. Должен же у Института быть какой-то план на счёт Риты? Если бы Стёпка и компания не собирались реабилитировать тёмных магов в глазах общества, они бы мне Смертину не прислали, в этом я уверен.

Но это всё будет завтра. А сегодня:

– За Её Благородие! – поднял я очередной тост. – За но-

вый род Российской Империи!

– Ура-а-а-а!

У Риты остался аналог зрения, но в железной коробке было темно. У Риты остался аналог слуха, но в коробке было глухо. А ещё холодно отчего-то, хотя мёрзнуть было откровенно нечему. Отныне телом Риты была горсть костяшек, оформленная в жуткую корону.

Первоначальный страх уже схлынул, и на его место пришло уныние. Теперь Рита судорожно размышляла над тем, что она такое. Призрак? Заточённая душа? Информационный слепок самой себя, который мнит себя разумным? Да чёрт его знает, эту грёбаную метафизику!

Но, помимо прочего, Смертина явственно ощущала магию. То ли свою собственную, а то ли магию короны. Сила отзывалась и подчинялась, вот только Рита пока что медлила. То ли боялась, а то ли просто не решалась ей воспользоваться.

Но...

Делать нечего. Какой ещё у неё остаётся выбор?

Ждать, когда всё рассосётся само собой? Ждать, пока её спасут и сделают всё за неё?

Увы, не в этот раз. Если Лич и впрямь завладел её телом, то очень скоро это вскрыется. Существует ли хоть доля вероятности того, что сущность, которая чуть не поставила на колени весь мир, решит прожить тихую счастливую жизнь в

теле девочки-подростка?

Нет.

Ринется восстанавливать былое могущество и мстить. Прямо как в тех книжках, которые Смертина любила читать на досуге. «Я был величайшим некромантом этого мира, но меня заточили в артефакт», – ну прямо один в один стандартная аннотация.

Плюс ко всему то шоу, что устроила тварь перед переселением явно указывало на психические отклонения. Если определение «психика» вообще применима к Личу. Он же безумен! Злым, жестоким или коварным можно быть по целому ряду причин, но вот это мрачное лицедейство и смакование чужого страха – явно не от мира сего.

А что же это значит?

Это значит, что Лич обязательно спалится – это первое и основное утверждение. Рано или поздно девки или Скуфидонский поймут, что что-то тут не так. А дальше... дальше Рита нафантазировала себе два расклада. Либо в этот раз Лич одержит верх, и всё будет плохо для всех; либо же его победят, и плохо будет только для неё.

Почему?

Да потому что! Логические цепочки Рита Смертина выстраивать умела. Пускай, кроме догадок и предположений, у неё ничего не было, но всё равно. Василий Иванович один раз уже побеждал Лича. Убивал – не то слово, потому как душа его в итоге оказалась живее всех живых. Стало быть,

уничтожить её нельзя. И стало быть, Скуфидонский уничтожит тело, так что возвращаться Рите будет некуда.

И вот именно поэтому...

Рита напряглась изо всех сил и попыталась воспользоваться магией. Магия подчинилась. Дохлые мухи в оконной раме, обезглавленные кроты на улице и упаковка куриных крылышек в холодильнике отозвались её тёмному дару. Смерти-на взяла мертвячину под контроль. Как и раньше, будучи в своём теле; ничего нового.

И дело теперь за малым – подать своим какой-то знак.

Каким-то образом намекнуть, что дело плохо.

Ну...

«Начали!» – решила Рита, попробовала пошевелить мёртвым куриным крылышком и тут же получила мощнейший удар в душу. Сработал какой-то неведомый предохранитель. Темнота железной коробки тут же просветлела и закружилась серым маревом. Трудно объяснить, но душу Смерти-ной начало куда-то утягивать – будто робот пылесос зажевал штору.

Узоры кружились всё быстрее и быстрее. Мареву становилось всё светлее и светлее и тут...

– Сдавайся, мразь!

Это же голос Скуфидонского! Что? Уже? Всё оказалось так просто? Или...

– Тебе всё равно не жить!

– Я и не живу, если ты до сих пор не понял! – услышала

Смертина голос, который как будто бы шёл из её рта. – А-ха-ха-ха!

А потом Рите включили картинку.

Огромный мрачный зал, стены которого сделаны из кро-воточащей плоти и костей. А прямо перед ней Василий Иванович – злой, как чёрт, смотрит прямо на неё. И под взглядом этим страшно..., но страх не криповый и потусторонний, а сугубо животный. Так же чувствуешь себя, когда на тебя на полном ходу прёт вепрь, на поросёнка которого ты имел неосторожность наступить.

Рита всегда была смышлёной девочкой и почти сразу же смекнула, что находится в голове Лича. Это его воспомина-ния, – поняла она.

– Ы-ы-ы-ыхх! – Василий Иванович размахнулся и послал в неё, то есть в Лича, – разряд сырой энергии.

Вспышка!

Болото. Армия мёртвых. Целая колонна мертвяков всех мастей ложится штабелями прямо в трясину, закладывая фундамент для будущей крепости. Тот самый зал из прошлого воспоминания! Он что, реально был сделан из плоти?!

Вспышка!

Город в огне. Кажется, восточная Европа или что-то около того. Во всяком случае, во всех мультиках про Новый Год рисуют такие же уютные узкие улочки с приземистыми, будто пряничными, домиками. Рита – то есть Лич – верхом на сло-не с пробитым черепом не спеша едет по этим самым улоч-

кам. Армия зомби врывается в каждый дом.

Вспышка!

Ещё один город. Уже заранее мёртвый. На подъезде Ли-ча встречают некроманты – преданные адепты, которые уже сделали всю работу сами.

Вспышка!

Армия магов на той стороне поля. И огромная стая мёртвых заражённых птиц, которые будто град из стрел сыплются на эту самую армию.

Вспышка!

Ещё одна бойня. Трупы, кровь, крики боли!

Вспышка!

Зомби!

Вспышка!

Смерть!

Вспышка!

Реки крови!

Вспышка-вспышка-вспышка! Химус, желчь, и гной, и кровь шипят и пенятся в могиле! Вспышка-вспышка-вспышка!

И тут вдруг...

Рита как будто бы проснулась и получила контроль над телом. А впрочем, она и впрямь проснулась. В лицо ярко бил солнечный свет, а она лежала на мягкой уютной кровати. Всё ещё на панике, Смертина скинула с себя одеяло, вскочила на ноги и начала метаться по комнате. По самой обычной ком-

нате самого обычного человека: кровать, шкаф, письменный стол, стул, окно, дверь и...

– Оо-о-ох, – выдохнула Рита, наткнувшись на зеркало...

Глава 7

«Скоро начнётся, – думала Рита Смертина, вот уже в который раз поднимаясь по ступенькам за кулисы. – Грёбанный день сурка».

События всё повторялись, и повторялись, и повторялись. Чтобы она ни делала и как бы ни старалась – она раз за разом оказывалась здесь. Да, с виду у этой игры была определённая свобода действий, но это только с виду.

Если Смертина вдруг решалась на какой-то слишком радикальный шаг в сторону, то воспоминания врубали тот самый защитный механизм, который она для себя назвала «кат-сценами». То есть у Риты полностью отнимали управление, и она становилась просто немым зрителем, сидящим где-то за глазами Лича.

К слову, о Личе.

Проснувшись в этом дне впервые, Рита Смертина обнаружила в зеркале молодую девушку, которой совсем недавно исполнилось восемнадцать.

Худую, темноволосую и большеглазую. Видимо, дар накладывал всё-таки отпечаток на внешность. Выдающимися формами она не обладала, но и уродиной не была.

Потомственная некромантка, студентка Института Одарённых, в Кёнигсберге, самой западной провинции Империи, присоединённой более двух веков назад.

Карина – так звали заготовку под «Тёмного Властелина», пока что крайне мало походила на Лича.

Рита Смертина получила полный доступ к мыслям и воспоминаниям девушки, но не видела там ни намёка на то безумие, с которым столкнулась лицом к лицу на чердаке Скуфидонского. Самая обыкновенная девушка с самыми обыкновенными целями и планами на жизнь.

Отец – глава очень мелкого баронского рода; аристократ постольку-поскольку. Есть права на титул и на герб, а за душой ни гроша. Многие фермеры богаче живут.

Мать – некромантка, от которой Карина и получила свой многострадальный дар. Как и большинство некромантов, та не смогла развить свою магию, постепенно утратила мечты о карьере егеря и превратилась в домохозяйку.

Ничего особенного. Вот прямо ни-хре-на.

Итак...

Утро стабильно начиналось с того, что Карина опаздывала в Институт. От пробуждения и вплоть до трагических событий, с которыми Смертина ничего не могла поделать, проходило не более двух часов.

Карина наспех одевалась, выбегала из своей съёмной однушки, прыгала в автобус и добиралась до центра. На дворе был ранний апрель – солнце изо всех сил топило залежавшиеся сугробы, отовсюду текли ручьи, и придомовые газоны ощетинивались собачьим дерьмом.

«Нужно как-то изменить ход событий, – понимала Рита. –

Вот только как?»

Остаться дома – не вариант. Сразу же врубалась кат-сцена, и Карина всё равно выходила из дома. Позвонить в Институт и сказать, что больная – тоже не выход. Смертину выталкивало из-за «руля», стоило только взяться за телефон.

Когда Смертина пробовала запереть дверь на ключ и выкинуть его в окно, вообще происходила перезагрузка дня.

Сколько раз она уже проживала всё это? Двадцать? Тридцать? Сто?! Рита сбилась со счёта после десятого перерождения и сосредоточилась на другом.

Конечно же, она видела фильмы и читала книги с похожим сюжетом. Она понимала, что дьявол должен крыться в мелочах и что один правильный сиречь «хороший» поступок должен перевернуть всё с ног на голову и оборвать этот чёртов квест.

Но мелочей не было!

По дороге на Карину не ругался дворник, чёрствое сердце которого нужно было растопить добротой. Не случалась трогательная сцена с каким-нибудь маленьким бродяжкой, которого надлежало пожалеть. Не за кого было заступаться, некому было помогать, нечего было исправлять.

Просто утренний суетливый город – трафик машин и людей, спешащих на работу. Обрывдая повседневность без намёка на драму.

Как правило, вынырнув из метро, Карина покупала хот-дог и съедала его по пути до Института. И вот тут Смерти-

ной разрешили вольность. Можно было покупать хот-дог, а можно и не покупать. Можно с куриной сосиской, с говяжьей и с сырной. Кетчуп, горчица, майонез – в любых конфигурациях. И более того! Можно было смело выбрать напиток! Газировка, минералка, чай, кофе – всё что душе угодно.

Сперва Рита думала, что косяк кроется где-то здесь. Пыталась заговорить с кассиром на разные темы, а один раз даже осмелела и ворвалась в подсобку, за что хапнула моментальную перезагрузку.

Со временем она смирилась, что чёртвов хот-дог просто никак не влияет на дальнейший сюжет, и перестала обращать на этот эпизод внимание.

Но едем дальше!

Карина забегала в Институт, проходила в каморку за актовым залом и переодевалась в костюм для любительской постановки – рваные джинсы, чёрная футболка, шипастые браслеты и целая россыпь фейкового пирсинга.

Студенты решили переосмыслить «Укрощение Строптивой» на свой лад, и именно так в воображении юных постановщиков должна была выглядеть Катарина. Да-да-да, будущему Личу во всём этом спектакле перепала чуть ли не главная роль; именно её и надлежало укрощать главному герою.

Кто бы знал – вот Смертина, например, знала – сколько сил потребовалось Карине, чтобы вызваться на пробы? Сколько духа? Как страшно было хотя бы заикнуться о том, что она хочет играть?

И всё для чего? Всё для того, чтобы ещё раз попытаться завести друзей. Увы и ах, в собственной группе ей это не грозило – сокурсники как на подбор оказались золотой молодёжью, и относились к некромантке с пренебрежением. Пока что приехавшей в город из баронского поместья Карине было одиноко так, что хоть волком вой. Так, может, хотя бы институтский актив примет её за свою?

– К чему, отец, вам превращать меня в посмешище для дураков? – бубнила то ли Карина, то ли Рита себе под нос. – Синьор, вам брак со мною не грозит...

К первой репетиции Карина вызубрила весь свой текст наизусть.

По стеночке она тихонько проходила вдоль рядов и по ступенькам поднималась за кулисы. Рита Смертина «за рулём» пробовала громко топать, откашливаться и даже кричать «Привет!», чтобы как-то предупредить труппу о своём приближении, но всё без толку.

Раз за разом она натыкалась на одну и ту же сцену:

– Да какого хера?! – кричал молодой широкоплечий парнишка.

Как его зовут ни Карине, ни Рите Смертиной узнать было не дано. Но судя по тому, что происходило дальше, ему в грядущем спектакле выпала роль Петруччо, и впереди им предстояло множество романтических сцен.

Вокруг Петруччо стояли двое. Ещё один парень и девушка; все примерно одного с Кариной возраста.

– Кто вообще это решил?! – орал парень. – Кто утверждал состав?! Меня никто спросить не хотел?!

– Вообще, – поддакивала девушка.

– Да капец, – вставлял свои пять копеек второй театрал.

– Мне ведь к ней даже приближаться брезгливо, а у нас тем временем раз, два, три, – Петруччо начинал листать текст. – Четыре поцелуя! Млять! Вы же в курсе, что она некромантка?!

– Вообще.

– Да капец.

– Некромантка, нищенка, ещё и уродина! Какая из неё, нахрен, Катарина?! Пускай на кладбище идёт и там со своими мертвяками целуется!

Весь этот диалог Карина-Рита слышала ещё до того, как её обнаруживали. Тут «кат-сцена» включалась чаще всего, потому как по логике Смертиной избежать трагедии можно было именно здесь: просто развернуться и уйти. Возможно, расплакаться, чтобы было логичней. Возможно, послать всем к чёртовой матери. Возможно, что-то ещё – Рита и рада была бы попробовать, но итог всегда был один.

Говорящие замечали её, Петруччо говорил:

– О! Вспомнишь говно, вот и оно.

А дальше начиналось самое жуткое...

Время перевалило за одиннадцать. Ира с Тамерланом уже откланялись и побрели к себе. Но праздник даже не думал

утихать, а я не собирался командовать «отбой» и отправлять девчонок спать. Во-первых, это как-то неправильно. Всё же я сам всех пригласил и сам всех собрал; за язык меня никто не тянул. А, во-вторых, не пойдут они спать!

Всё равно продолжают веселье и угомонятся только за полночь. А так хоть у меня под присмотром будут.

Так вот. Чтобы не стеснять альтушек, мы с Кузьмичом и Лёхой тактично отвалились и переместились в гостиную.

Всё-таки девушки наверняка хотят посидеть своей компанией и поговорить о своём; и вполне возможно, что о чём-то таком, чего нам знать не следует.

И в то же самое время три благородных дона тоже хотят поговорить и тоже о своём, причём не стесняясь метафоричных образов и яркости оборотов. На языке, который для нежного девичьего уха покажется грубоват.

Не...

Не то, чтобы мы с Зеехофером и Михеевым уединились, чтобы материться напропалую, как подростки в подъезде. Просто... хотелось не следить за языком.

Да и вообще!

Слишком сокращать дистанцию с подчинёнными – тоже плохо.

– ...вот смотри, Кузьмич, – втирал Лёха. – Как только что-то становится мегапопулярным, оно автоматически становится «уже-не-тем».

– Угу, – хлопал глазами захмелевший австрияка.

– А знаешь почему?

– Почему?

– А я тебе объясню. На примере музыки, например. Просто есть категория людей, которые ненавидят ширпотреб, понимаешь? Вот слушают они какую-нибудь андерграундную группу, слушают. И тут вдруг: херак!

– Херак, – кивнул Кузьмич.

– Группа становится популярной и звучит из каждого утюга. И вот ты едешь куда-нибудь на автобусе, например, а водила слушает твою группу. И ты думаешь: ё-ё-ё-ё-ё, это ж я слушаю то же самое, что и водила автобуса! Позор-то, мол, какой. Не круто, мол. Значит, надо слушать что-то другое, потому что «это» стало «уже-не-тем».

– Ну и что? По факту ведь ничего не поменялось.

– Во-о-о-от! Поэтому я тебе русским языком и объясняю, что...

На самом деле, я этот Лёхин спич слышал уже несколько раз, и мне было откровенно неинтересно. А потому я попытался занять себя мыслями о делах насущных. Почему-то из головы никак не шла Рита Смертина.

Мельком взглянув на часы, я решил, что Державин вряд ли спит и к чему откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?

– Алло, Стёп, здорова...

– Что случилось? – вместо «здрасьте» сказал ректор и явно что напрягся.

– Да ничего особенного, – ответил я. – Слушай, я на самом деле по поводу Смертиной звоню и...

– Что?! – а вот тут уже не напрягся; тут уже откровенно испугался. – Скуф, что у вас там случилось?!

– Да ничего не случилось, дурья твоя башка, не ори и дай договорить. Короче... хочу её потренировать по профилю, а как не знаю. У вас что за планы вообще на неё?

– М-м-м, – замялся Стёпка.

– Ой! Давай без вот-этого-вот, ладно? Уже проходили, да притом не раз. Выкладывай сразу всё как есть. Вы же неспроста мне некромантку подсунули, верно?

– Верно, – вроде как нехотя согласился Державин, повздыхал чутка, но потом сразу же сдался и начал рассказывать: – На самом деле воспитание Смертиной – это первый шаг в программе Его Величества по реабилитации некромантов в глазах мировой общественности. Дар и без того редкий, так после недавней войны он словно чёрная метка. А ведь дело не в даре, а...

– А в том, кто им обладает, помню-помню, – продолжил я. – Так что с материалами? В чём подвох?

Ах, как же проницателен Василий Иванович! Проницателен, мудр и чертовски хорош собой!

– Продолжай, – попросил я Державина. – Чувствую подвох.

– Подвох действительно е-е-е-есть, – протянул Стёпка. – Дело в том, что у этой программы есть ещё одна заинтересо-

ванная сторона.

– Гринёв?

– Нет.

– Молчанов, что ли?

– Тоже мимо.

Так... что-то я уже закончил перечислять своих министров, а всё никак правильный ответ не угадал. Не к добру оно, ой не к добру.

– Не томи, Державин!

– Помнишь ГНК? – спросил Стёпка, и у меня тут же аж холодок по спине пробежал.

Государственный Некро-Контроль. Та ещё контора. Ре-прессивный орган, созданный во время войны, чтобы экстренно взять под контроль всех оставшихся некромантов. Пытки, дознания, поиск связей с Личом – всё это ГНК.

Собрали озлобленных отмороzków и дали им полную власть. Ну... время было такое. Раны свежие, и срочно нужно найти виновного. Найти, а потом ещё и покарать прилюдно. Я-то всегда топил за ту мысль, что Лич какое-то ментальное воздействие на некромантов оказывал и что ну не могут быть они все как один быть злодеями, но...

Повторюсь: время было такое.

Вот только, если честно, я думал, что ГНК уже давно распустили.

– Так вот все материалы по некромантии до сих пор у них в архиве, – закончил Державин. – Трактаты, учебники и всё

такое прочее. Пытаемся добыть их, но сам понимаешь...

– Вот ещё разок попытайтесь, – ответил я ему. – Сам знаешь, дар сложный. В слепую не разберёшься.

– Попытаюсь, – буркнул Державин.

На том мы с ним и распрощались.

Глава 8

– А где мой Петруччо?! – кричал режиссёр-постановщик.

Режиссёр-постановщик, он же трудовик, он же завхоз, он же неумело конспирирующий любовник директрисы, чьи дети не только внешне были похожи на него, но и с молодых лет питали нездоровую страсть к выпиливанию по дереву – все эти бесполезные знания Рита Смертина зачем-то переняла от Карины.

– Где моя Катарина?! Где моя Бьянка?! Где, в конце концов, Транио?! Вы что, совсем тут все охренели?!

Остальная часть труппы неловко мялась на сцене и пережидала, пока трудовик перестанет бушевать. Обычно, когда он распалялся по «синей лавочке», это было весьма потешно. Но вот сейчас, в трезвом гневe, ребята не на шутку его испугались.

И очень зря, потому как бояться им следовало совершенно другого.

– Мы здесь! – кричала Карина и выходила на сцену вместе с троицей актёров, которые совсем недавно советовали ей идти на кладбище и целоваться с мертвяками.

– Почему опаздываете?!

– Прошу нас извинить, – отвечала Карина. – Ребятам что-то нездоровится.

– Э-э-э-э, – вслед за этим тут же мычал Петруччо.

Голова у него при этом почему-то лежала на плече. Транио тоже выглядел неважно: одна нога парня была вывернута наизнанку, как у кузнечика, и ему приходилось волочить её за собой. А у Бьянки вообще глаз выпал.

Да...

После того, как включалась кат-сцена, Рита Смертина наблюдала за тем, как Карина вытворяет со своими первыми жертвами ортодоксально лихие вещи. Именно с этих ребят и начиналась будущая армия Лича.

– А-а-а-аа! – пронзительно визжала одна из актрис, как только догоняла, что происходит.

– Чо орёшь, дура?! – ругался на неё подслеповатый трудовик.

– Зомби! Зо-о-омби-и-и-и!

Ну а дальше веселье набирало обороты. Задорно ухахатываясь, Карина при помощи зомби выпиливала добрую половину своих одноклассников. Сперва. Потом она их поднимала и разыгрывала спектакль, управляя сразу же всеми актёрами.

Не зря же она учила текст?!

Иногда трудовик втихаря убегал из зала, а иногда цепенел, оставался и смотрел безумное шоу. И отдельный эстетический кайф этого шоу заключался в диалогах:

– Э-э-э-э, – говорил Петруччо.

– Э-э-э-э-э, – отвечал ему Транио.

– Э-э-э-э, – пытаюсь запихнуть глаз обратно в глазницу,

как бы между делом бросала свою реплику Бьянка.

А Карина всё смеялась и смеялась. Тот момент, когда нестабильная подростковая психика дала трещину, к этому моменту оставался уже где-то позади.

Что было дальше?

А дальше на шум сбегался преподавательский состав Института – маги минимум бронзового уровня – и начиналось мясо. В какой-то момент Рите возвращали управление телом, но было уже слишком поздно.

По сути, ей были доступны две опции.

Первая – сдаться и отправиться на перезагрузку.

Вторая – сражаться с преподавателями и обратиться в Лича, что в свою очередь тоже запускало день сурка с самого начала.

Что до превращения в бессмертную могущественную сущность, то Рита Смертина – к добру или к худу – предельно ясно поняла, как это делается. И пускай вариативность событий просто зашкаливала, на деле всё оказалось очень... очень-очень... прямо-таки бессовестно просто.

Например, на Карину мог упасть прожектор и придавить ей ногу. В таком случае снова врубалась кат-сцена, и Карина неизменно додумывалась до того, чтобы «поднять» повреждённую часть тела.

То есть требовалось умирать. Но умирать медленно, буквально «по частям».

Тут же она сама частично становилась зомби и тут же –

вуаля – резко преображалась в Лича.

Чуток хохотала по-злодейски и-и-и-и... и всё.

Перезагрузка.

Перезагрузка.

И снова, и снова, и снова.

«Грёбанный автобус, – с раздражением думала Рита, вылезая на своей остановке и шуруя к ларьку с хот-догами. – Грёбанные сосиски»...

Единожды поняв, как собирать кубик Рубика, игрушка больше не будет доставлять проблем. Единожды поменяв на дороге запаску, ситуация с пробитым колесом уже не будет казаться неудобной и геморройной. Когда знаешь, чего ожидать, каждая последующая установка пиратского софта проходит всё быстрее и быстрее.

Да чего уж там?!

Этот алгоритм упрощённого повторения заложен в самой физиологии! И даже мышечная память ему подвластна! Ведь куда быстрее и проще нарастить бицуху там, где она уже когда-то была раскачана.

И то же самое можно сказать о пресловутом «Былом Могуществе».

Единожды достигнув совершенства в области некромантии, Лич прекрасно знал, что нужно делать. Повторить – вообще не вопрос. Чепуха, да и только. Он играючи мог добиться максимального результата при минимальных усили-

ях, потому что понимал механизм в мельчайших его деталях.

И, к слову, не терял времени зря.

Пока группа «Альта» веселилась и чествовала новоиспечённую баронессу Шестакову, Лич втихую раскачивался. Да-да, прямо не выходя из-за стола!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.